

Суси Валерий

Непослушник из Рима

Накануне кровопролитных сражений Марка Антония с легионами Рима неотразимая Клеопатра прислала Ироду ласковое приглашение посетить Египет. Инкогнито, разумеется. Царица знала, что Рим не прощает предательства и что Ироду будет трудно решиться принять приглашение. В случае победы Октавиана участь Иудейского царя была бы предрешена. И все-таки она послала секретного посланника под видом торговца редких лечебных настоев из трав. Армия Клеопатры постоянно набирала мощь и постепенно превращалась в такую силу, какая могла нанести поражение и, казалось бы, непобедимому Риму. Думали, что это заслуга бесстрашного Марка Антония. Но нет! В том не было его заслуги. Он был способен погибнуть героем на поле сражения, но ничего не смыслил в военной стратегии. Клеопатра, хрупкая красавица, сумела сделать так, что каждую неделю военный лагерь оглашался дикими криками приветствий вновь прибывающих отрядов. Здесь говорили на разных языках, но всех объединяло одно - ненависть к могуществу Рима. Клеопатра в будущей войне делала ставку на ненависть. Посылая приглашение Ироду, она прекрасно понимала, что поставит его перед тяжелым выбором. А что если вдруг Октавиан будет повержен? Дальновидный иудей не мог сбрасывать со счетов такое соображение. И теперь Клеопатра с интересом ожидала его решения. Ирод был нужен. Был нужен его флот. Войскам требовалась шерсть, полотно, кожа, провиант. Не хватало умельцев, способных пошить тысячи туник и изготовить тысячи боевых кирас.

Она не ошиблась. Две ночи Ирод провел в мучительных размышлениях, проклиная своего агента Николая, не сумевшего до сих пор обеспечить его всей полнотой информации, которая избавила бы его от теперешних головных болей.

Николай был родом из старинной и знатной иудейской семьи, переселившейся в Сирию. Ирод хорошо знал его отца и выделял среди прочих за крепость ума и преданность иудейским традициям, которые тот рьяно продолжал поддерживать и в своем богатом доме в Дамаске. Николай подолгу жил в Иерусалиме во дворце Ирода. Он был щуплым, низкорослым и некрасивым, но эти видимые недостатки отступали, их переставали замечать вовсе при первом же более тесном общении, когда вдруг неожиданно невзрачный человек начинал говорить необыкновенные вещи, вызывающие любопытство и удивление. Будучи как-то в Дамаске, Клеопатра не могла не навестить дом одного из богатейших людей, к тому же сумевшего основать судостроительную верфь, которая выпускала на морской простор боевые корабли, отличавшиеся превосходными ходовыми качествами и маневренностью. Николай поразил ее своей ученостью и она тут же предложила ему перебраться в Египет и стать учителем ее детей. Конечно, она ничего не сказала о том, что у этого шага был еще один, скрытый смысл. Монопольным заказчиком всех кораблей был Ирод, но это положение можно было бы и изменить... Так она предполагала.

Пожалуй, Клеопатра, оказалась бы в шоке, если бы только каким-то чудом узнала о своей ничтожной роли во всем этом деле.

Незадолго до ее прибытия в Дамаск во дворце Ирода состоялся прелюбопытнейший разговор между иудейским царем и Николаем, который как раз по обыкновению гостил в Иерусалиме.

"Друг мой! - обратился к нему Ирод, - В ближайшее время Дамаск посетит Великая Клеопатра. Она, конечно, не отвергнет приглашения твоего отца и будет почетной гостьей в вашем доме. Сам Отец Небесный посылает нам чудесную возможность использовать это обстоятельство в наших целях. Ты понимаешь, о чем я говорю и что имею в виду под "нашими целями"? Когда-нибудь интересы Рима и Египта пересекутся и будет пролито много крови. В том числе и нашей, иудейской крови. Рим велик, но скажи, разве его цели - это и наши цели? Или нам близки устремления Египта? Что делать нам, маленькому народу, когда две могущественные Империи схлестнутся в смертельной схватке? Погибнуть? Или попытаться выжить? Бог дал нам смекалку и находчивость. Вот наше оружие! Пусть гиганты наносят друг другу ужасные раны, пусть уничтожают друг друга. Это в наших интересах. Это и есть наша цель. Настал час, когда тебе предоставляется возможность совершить самое главное дело в своей жизни - послужить собственному народу. Во имя нашего будущего. Клеопатра, мне это известно, подыскивает учителя для своих бестолковых детей. Ты должен стать этим учителем. Но не должен показать желания стать им. Произведи на нее впечатление своей ученостью, как ты это сделал недавно, когда у меня гостил грек Садонис. Очаруй ее своими познаниями, в которых она знает толк. И она сама предложит тебе место учителя в своем дворце. Ты окажешься в самом сердце нашего соседа, от которого всегда можно ожидать смертельного удара в спину. Ты сможешь добывать бесценную информацию о состоянии дел враждебного государства, о торговле, о военной мощи, о ведущихся переговорах с другими державами, о планах Клеопатры. Ты один сможешь принести своему народу такую же пользу, какую на поле боя смогли бы принести десять легионов."

Все произошло именно так, как и предполагал Ирод. Клеопатра ворвалась в хитроумно расставленные сети, как неосторожная и стремительная лань. Николай поселился в ее дворце. Он обладал полной свободой передвижения и потому для него не составляло никакого труда ежедневно прогуливаться по базарной площади и общаться с торговцами. И наблюдая за тем, как степенный учитель придиричиво выбирает себе дыню и о чем-то спорит с продавцом, никому не могло прийти в голову, что он одновременно передает ценнейшие сведения агенту Ирода.

На этот раз, однако, Ирод был недоволен Николаем. Несколько недель от него не поступало сообщений. Он смутно представлял себе действительное положение в армии Клеопатры, зато имел достоверные сведения о силе римских легионов. До слуха доходило, что армия Клеопатры ежедневно пополняется, что в распоряжение ее армии прибыло несметное количество нумбийцев, наверно самых бесстрашных и отчаянных воинов, ни в чем не уступающих римским легионерам.

Ирод был в сильнейшем затруднении. Что предпринять? На что решиться? Совсем недавно, не прошло еще и месяца, к нему прибыл сам грозный Агриппа, правая рука Октавиана. В течение трех дней они обсуждали военное положение. Агриппа не сомневался в том, что война скоро начнется и требовал поддержки с моря. Он рассказал о военных приготовлениях Рима и заверил, что войска Клеопатры будут разбиты наголову.

Отправиться теперь в Египет было почти что безумием. Но вчера прибыл агент с известием о том, что ему удалось пробраться в стан врага и лично убедиться в страшной силе, готовящейся обрушиться на римлян. "Кораблей так много, что из-за них не видать моря", - закончил свой доклад агент.

Наконец, под утро Ирод принял решение. Он поедет к Клеопатре. Но одновременно отправит "секретного" гонца в Рим, который должен объяснить Октавиану "истинную" цель его поездки в Египет. А "истина" состоит в разведывательной миссии, которую он, Ирод, пользуясь "недальновидностью" царицы, решил взять на себя во благо Великого Рима. Надо сделать так, чтобы о "секретном агенте" в Рим знали несколько приближенных лиц, пользующихся доверием Октавиана и несомненно поставляющих ему информацию обо всем, что происходит во дворце. И которые в нужный час смогут это подтвердить. Если потребуется их подтверждение... Если до того их головы удержатся на их плечах... И надо сделать так, чтоб агент не добрался до Рима...

Ирод улыбнулся своим мыслям и позвал слуг, чтобы те начинали готовиться к путешествию.

Клеопатра встретила его с почестями, выходящими за рамки того, что было предусмотрено его провинциальным статусом. В отсутствие Марка Антония (он отправился в Парфию) она лично возила его по лагерю, ничего не скрывая и наоборот, стремясь к тому, чтобы гость имел возможность побольше увидеть. Смысл ее действий стал ясен уже на исходе первого дня, когда они на роскошных, отделанных золотом и ювелирной резьбой колесницах возвращались во дворец. Ирод был поражен увиденным, но не сражен. Агент не соврал и ничуть не преувеличивал.

За ужином Ирод никак не мог расслабиться и продолжал оценивать шансы противников. "Если мои информаторы из Рима точны в своих донесениях, то у Октавиана не наберется и половины того, что я увидел сегодня. Казалось, весь Восток собрался здесь под знамена Клеопатры. Приметил он и лагерь римских легионеров, последовавших за Марком Антонием. Их было не менее тридцати тысяч. Море уменьшилось в размерах от скопления кораблей. Громадная страшная сила. Но насколько послушна эта сила? Насколько управляема она? Не напоминает ли она огромный парус в руках неопытных мореплавателей, не способных усмирить его?" Цепкая память Ирода останавливалась на мелочах и деталях. Многоликое и разноязыкое войско приветствовало царицу нестройным громopodobным ревом. Какой-то воин, обросший, похожий на дикого зверя, попытался вскочить на колесницу Клеопатры, но был тут же сбит охраной. Ирод успел заметить, как короткое копьё вогнало дикаря в горячий песок. Что может противопоставить стихии Октавиан? Боевой опыт, железную дисциплину и выучку римских солдат. Он вспомнил суровое лицо Агриппы, его уверенность в исходе боевых действий, его последние самоуверенные, двусмысленные слова, сказанные на прощание: "Любовь Марка и Клеопатры будет короткой, как спартанский меч! Скоро им предстоит отправиться в свое последнее путешествие, а вместе с ними всем тем, кто явно или скрытно противодействует Риму!"

Он взглянул на Клеопатру. Прямая спина, гордая голова, чарующие как египетское небо синие глаза, в которых как будто проплывали прозрачные облака. "Неужели она всерьез рассчитывает победить Рим?" - подумал он.

С момента приезда Ирод готовил себя к откровенному разговору с Клеопатрой, но она не спешила и развлекала гостя танцами и пением рабов, выступлениями факиров и заклинателей змей. Она занимала его легким разговором, словно вовсе не существовало Рима, словно очертания войны были еще не видны, словно не раскинулись многотысячные костры вдоль побережья моря.

Только в последний вечер накануне отъезда они остались вдвоем.

Никогда еще мне не приходилось собирать такую армию, какую ты увидел теперь собственными глазами. Ни у кого нет такой армии. Даже у Рима! - сказала она.

Да, царица, это так. Готов поклясться, что со времен Александра Великого не существовало такой армии. Возглавляемое таким талантливym полководцем, каким является Марк Антоний эта армия становится непобедимой. Скоро весь мир будет у Ваших ног. А ты - Великая Клеопатра станешь единственной повелительницей всего пространства вплоть до киммерийских пределов.

Клеопатра улыбнулась. Но прозрачное облачко в ее глазах еле заметно потемнело.

Могу ли я принимать твои слова, как выражение поддержки и готовность на деле доказать это?

Конечно, царица! Но я слишком слабый союзник для того, чтобы мог принести ощутимую пользу. Какая выгода урагану, вырывающему с корнем деревья от дуновения ветерка, не способного поколебать рыбацью лодку?

Дорогой друг, слава о твоих умельцах, превращающих сырую шкуру овец в тонкую и мягкую кожу; слава о твоих портных и сапожниках, о мастерах-корабельщиках простирается далеко за пределы Иудеи. Корабли, которые спускают на воду в Тире тут же берут курс в твои бухты. И ни золото, ни драгоценности не в состоянии изменить их курс. Даже мой мудрый друг, учитель моих детей, Николай из Дамаска,сын несговорчивого корабеля не может повлиять на отца. Говорят, что на него никто не может повлиять. Кроме одного человека... Царя Иудеи...

Мне приходилось слышать об этом ученом человеке, повергающем в изумление своими познаниями стариков. И я с удовольствием познакомился бы с ним. Отчего я не вижу его?

Он болен. Уже три недели не встает со своего ложа. Но не нужно беспокоиться! Возле него находятся лучшие лекари и скоро он встанет.

Да, корабли из Тира идут в мои бухты, которыми, однако, распоряжается Рим, а не я.

Рим далеко, а твои мастера разбросаны по неприметным селениям. Кто обратит внимание на портного, занятого своим обычным трудом?

Ты права, царица. Никто.

В ближайшее время необходимо изготовить две тысячи пар обуви, пошить сто двадцать тысяч туник, шестьдесят тысяч зимних плащей. Готов ли ты, мой друг, внести свою лепту в общее дело против ненавистного нам обоим Рима?

Царица! Пусть тебя это не беспокоит. Заказ будет выполнен со всей тщательностью.

Хорошо! - удовлетворенно отреагировала Клеопатра, - А что касается кораблей, надо еще подумать. Рим - далеко, - опять повторила она.

Ирод не выполнил тогда ни одного обещания и этим спас свою жизнь. Когда по всей империи свирепствовали проскрипции, и головы сыпались с плеч как перезрелые яблоки, и стало неуютно восседать на иудейском троне, и бессоница стала единственной собеседницей, он неожиданно получил из Рима добрый знак. Прислал его сам Агриппа Марк Випсаний.

"Много было таких, кто жаждал твоей крови и бросал обвинения против тебя с тем азартом, с каким бросают игральные кости. А тебе известна страсть императора к этой игре.

Клянусь Юпитером, ты был на волоске от гибели! С большим трудом мне удалось уговорить императора отказаться от скорой расправы.

Я не забыл нашей дружбы, которая продолжалась все то время, пока я исполнял обязанности наместника Рима в Дамаске и услуг, оказанных мне твоим протезе.

Слава богам! Октавиан прислушивается к моему мнению больше, чем к клеветам, окружающих его в изобилии грифов. Мне удалось убедить его поверить в твою верность и твою способность удерживать спокойствие в Иудее, а также держать в узде строптивых самарийцев и беспокойных галилейцев, склонных к бунту и измене.

Октавиан уступил, но потребовал вызвать тебя в Рим, дабы сам мог оценить правоту моего заступничества.

Но, дорогой друг, я не советую тебе спешить с выполнением этого приказа, даже несмотря на опасность вызвать новый гнев Октавиана. Тебе надо придумать достойный повод и оттянуть приезд в Рим. Надеюсь, что с этим ты легко справишься...

Пусть остудится море недавно пролитой крови, а на могилах успеют вырасти новые цветы.

Я со своей стороны обещаю предпринять все меры к тому, чтоб благожелательное отношение к тебе императора не претерпело изменений".

Ирод перечитал письмо пять раз кряду и только после этого перевел дух. Так измученный жаждой вливает в себя пять стаканов воды один за одним, пока не почувствует облегчения. "Услуг, оказанных мне твоим протезе". Ирод возблагодарил Бога и быстро прочел молитву. Он хорошо знал происхождение этих "услуг", так как все они были придуманы здесь, в Иерусалиме, в его собственной голове. Агриппа принимал подношения в Дамаске, но часто ценность их незримо указывала на того, от кого они исходили. "В Рим теперь нельзя. Он прав. А все-таки Рим гораздо ближе, чем это казалось покойной Клеопатре." Он приблизился к узкому окну. Стояла ночь. Звезды искрились, как те тысячи костров в лагере Клеопатры. От них остался один пепел...

Нужен заговор! - произнес он вслух, - Нужен заговор против Рима. А я, Иудейский царь, верный друг императора раскрою его и потоплю в крови. Вот тогда можно безбоязненно отправляться к Октавиану.

Как почти всякий умный человек, Ирод был циником. Напрасно его враги сочиняли небылицы о звериных инстинктах, о чрезмерном нездоровом возбуждении при виде крови и чуть ли не приписывали ему склонности к вампиризму.

Совершающееся на глазах убийство он воспринимал точно также, как любой простой смертный: содрогаясь от ужаса и испытывая восторг одновременно. Но ужас - более сильное человеческое свойство и потому может показаться, что оно одно и овладевает человеком в страшное мгновение. Восторг - это швы на ткани, из которой пошит ужас. Восторг оттого, что чья-то, а не моя голова слетает в эту секунду...

Ирод отдавал жестокие приказы, после которых тысячи несчастных подвергались изощренным пыткам. Их вешали, рубили, распинали на кресте. Но все это происходило за пределами дворца. Власть должна наводить на людей трепет. Или они, люди, сами расправятся с властью.

Во имя этого Ирод не щадил никого и даже поощрял слухи о своей кровожадности.

Теперь, когда речь шла о собственной судьбе, в его голове вызревал зловещий план, должный поразить своей чудовищностью высокомерных римлян, презирающих смерть.

Спустя полгода Агриппа прислал второе письмо, в котором заверял иудейского царя в полном восстановлении доверия со стороны Октавиана и сообщал о снятии требования о немедленном прибытии в Рим. Кроме того, в письме говорилось, что император очень доволен новым посланником Ирода - Николаем. "Этот вертлявый человек с подвижным, как у обезьяны лицом, а потому постоянно меняющим выражение сумел в несколько месяцев настолько расположить к себе Октавиана, что тот, потеряв его из виду на короткое время, тут же начинает озираться, проявляет нетерпение и посылает разыскивать его. Даже блистательный Гораций и изящный Меценат отошли в тень, не умея восполнить отсутствие невзрачного иудея и кажется начинают ревновать".

Агриппа почти не упоминал о том впечатлении, какое произвели на Рим казни "заговорщиков" и их "сообщников", залившие кровью каменистую почву Иудеи, долины Галилеи и бесплодные самарийские земли. "Твоя решительность в борьбе с врагами Рима оценена Октавианом". Агриппа ограничился только этой одной фразой, но и ее было достаточно, чтобы понять - угроза миновала.

Семнадцатый год Николай жил в Риме. И все эти годы только две вещи занимали его по настоящему - наука и... император. Науку он любил, императора обожал.

Семнадцать лет тому назад после сражения при Акции, когда исход войны ни у кого уже не вызывал сомнений, он вышел из дворца, купил на окраине Александрии коня и навсегда покинул Египет. Он знал, что Иудейский царь недоволен им, но тем не менее напрямиком отправился в Иерусалим.

Ирод встретил его настороженно и молча принял объяснения. В душе он уже не таил злобы и был хорошо осведомлен о его болезни, послужившей причиной бездействия. Но именно сейчас он приводил в исполнение свой план "раскрытия заговора" и кровь уже всюду была фонтаном. Ирод был возбужден и как никогда мнителен. Придуманый им самим "заговор" временами, казалось, существует

действительно. Любопытный и внимательный Николай оказался очень не кстати во дворце.

Первое, что пришло в голову Ирода было - отправить Николая немедленно в Дамаск. Но следующая мысль заставила его промолчать и не спешить с решением. "А что, если его направить в Рим?" - подумал он, - "Он подтвердит, что я посещал Александрию с единственной целью - собрать достоверные сведения о военной силе Клеопатры; он расскажет о том, как царица пыталась склонить меня к измене, но я не поддался на уговоры и не выполнил ничего из того, о чем она просила. Наконец, он подтвердит и будет в этом сам заинтересован, что ни один корабль, сошедший с верфи в Тире не оказался среди кораблей Антония и Клеопатры".

Ирод взглянул на тщедушную фигуру Николая, потом перевел взгляд на его морщинистое не по годам лицо. Глаза Николая блестели. "Да, он сумеет рассказать все именно так, как это сделал бы я сам. Он - сумеет!"

Вечером, продолжая обдумывать судьбу Николая, Ирод пришел к выводу, что того выгодно вообще оставить в Риме на какое-то время. "Кто лучше из тысячи незаметных подробностей сможет составить цельную картину римской политики и проникнуть из видимого в невидимое?"

Семнадцать лет тому назад Николай прибыл в Рим то ли в роли дипломата, то ли в роли тайного агента Ирода. Он не испытывал враждебности к римлянам, которая была присуща его соплеменникам, презирающих латынь. Вникая в философские труды греков, анализируя ход истории, религиозные различия он сделал для себя ряд открытий, которые бы потрясли царя Иудеи, лишили бы его родительского благословения и обрекли на участь изгоя.

Николай все более и более утверждался в мысли, что Бога нет. Одного этого было достаточно, чтоб превратиться в глазах Ирода и собственного отца в заклятого врага иудейского народа. Кроме того, он приходил к выводу, что сильный Рим выгоден всем государствам средиземноморья. Империя, как щит против врагов с Востока и Севера. Он не пугался своих "преступных" мыслей и с удовольствием обсудил бы их с единомышленниками. Но где их взять, единомышленников? Людей, способных свободно перешагивать через догмы?

Таким человеком оказался... император.

Август Октавиан принял его в своем доме, выстроенном на склоне Палатинского холма, почти примыкающего к дворцовым стенам. Дом возвели совсем недавно, используя в изобилии мрамор, входящий в моду.

Октавиан был весел, легок и строен. Пурпурная тога переливалась в лучах заходящего солнца, словно в тон его золотистых волос, уложенных аккуратно, волосок к волоску. Запомнилось чистое лицо Мецената, благородная осанка Горация и могучая грудь Агриппы, выпирающая через упругую кожу кирасы.

Ирод сделал гораздо больше того, что мы от него ожидали. Если бы не его вездесущие и отвага (при этом Октавиан широко улыбнулся), то нам пришлось бы туго при Акции. Но почему так запоздали корабли и появились тогда, когда наш друг Агриппа уже не нуждался в них?

К сожаленью, император, ветер не позволил развить необходимую скорость.

Ветер? Силы природы способны разрушать города, способны потопить флот, но они не способны воспрепятствовать человеку достигать цели.

Может быть, Боги встали на пути кораблей? - осторожно спросил Николай, заинтригованный рассуждениями императора о силах природы и искушаемый желанием продолжить двусмысленный разговор.

Октавиан изучающе посмотрел прямо в глаза, в зрачки иудея.

Похоже, друг мой, что ты и сам не веришь в то, что только что произнес. Уж не хочешь ли ты в первое знакомство проникнуть так глубоко в мысли императора, как это не удалось еще сделать моим друзьям, долгие годы находящимся при мне неотлучно? - он повел рукой в сторону Мецената, Горация и Агриппы, с интересом следящих за беседой.

Николай, однако, нисколько не смутился и не испытал никакого страха.

Твои мысли, государь, заняты государственными делами. Мои же испорчены абстрактными рассуждениями и похожи на птичек в вольном небе. Никогда не предугадаешь их беспорядочный полет.

Тогда тебе будет интересно поближе узнать Горация. Он тоже напоминает птичку, которая часто парит в небе и не замечает земли.

Государь! Один мой глаз всегда устремлен на землю, чтобы видеть тебя! - отозвался с поклоном Гораций.

Лстец! Великому поэту не подобает быть лстецом. Другие должны льстить ему!

О нет, государь! Это не лесь! Это восхищение тобой, которое я не в силах скрывать!

А вот этот посланник мудрого Ирода не любит льстить. Это видно по его глазам.

Лесь и правда оскорбительна. И для того, кто льстит и для того, кто принимает лесь.

Октавиан снисходительно улыбнулся, но с того вечера в нем пробудился интерес к Николаю. И чем больше он с ним общался, чем больше вслушивался в то, что говорит Николай, тем больше догадывался о том, о чем он не говорит. Их разговор состоял из многочисленных намеков, недосказанностей, символов, вызывающих недоумение у окружающих, но хорошо понятный им обоим. В скором времени Октавиан включил Николая в свою свиту и уже не отпускал далеко. Агриппа в письме Ироду написал правду: император действительно так привязался к мудрецу, что потеряв из виду тут же посылал его разыскивать.

В свою очередь Николай впервые встретил человека, который казалось совершенно свободен в своих мыслях и в глазах которого нетрудно было уловить иронию, когда речь заходила о богах. Через полгода он уже не сомневался, что император, почтительный в отношениях со жрецами, приносящий щедрые пожертвования, всего лишь исполняет свой императорский долг. Позволить себе заговорить об этом Николай не мог, а Октавиан, иногда приблизившись к теме так близко, что не доставало может быть одного-двух слов, после чего наступила бы полная ясность, умолкал неожиданно и через паузу начинал говорить совершенно о

другом. Был момент, когда Николай по горячности чуть не проговорил те самые слова, что давно бродили в его голове и он уже произнес первое слово, но вдруг почувствовал, как повелительный палец Октавиана замер возле его губ, чуть прикасаясь к ним. Он осекся. И встретил одобрительный дружеский взгляд императора.

Всему свое время! - сказал тот. И Николай понял окончательно, что император знает его мысли, разделяет их, что он с ним и что пока не настал день для этого разговора. Случай этот сблизил их еще больше. Как может сблизать людей общее владение тайной.

Николай решил набраться терпения и ждать. Ждать столько, сколько придется.

Он и предположить не мог, что ждать придется семнадцать лет.

Октавиан добивался единоличной власти. Его раздражали болтуны в Сенате, способные заговорить любое дело! Республика давала им возможность праздно, от лени заниматься государственными делами. Сенат давно превратился в место развлечений, где можно было поупражняться в красноречии и свести мелкие счеты со своими противниками.

Но Октавиан знал и другое: Сенат самое опасное место для императора. Каждый раз, вынужденный появиться там, он вспоминал о трагическом конце своего дяди - Юлии Цезаре. И потому его лицо под сводами высшего законодательного собрания всегда оставалось хмурым.

Цезарь также стремился к абсолютной власти, достиг ее, но слишком дорогой ценой - собственной жизнью.

Сенаторы почтительно встречали императора, но разве могла эта притворная почтительность ввести его в заблуждение? Разве не читал он во множестве окружающих его глаз настороженность, небрежно скрываемую враждебность, а то и откровенную ненависть? Для многих из них он оставался человеком, незаконно завладевшим императорской властью, которая по их мнению должна принадлежать роду Клавдиев. И только завещание Великого Цезаря, передававшее ему власть из рук в руки, удерживало сенаторов в повиновении. Цезарь и после смерти продолжал оставаться тем Цезарем, перед которым не переставали трепетать изнеженные души сенаторов. Но как долго образ Цезаря сможет удерживать этих людей? В конце концов Октавиан дал себя уговорить, развелся и женился во второй раз. Это был политический брак, союз с родом Клавдиев, преследующий цель укрепить власть и заткнуть особенно нетерпеливые глотки.

Дочь Октавиана от первого брака - своенравная Юлия осталась разумеется с отцом и с первых дней начала избегать общения с мачехой. Впрочем, Ливия его новая жена и не стремилась изменить положения. Для нее это также был второй брак и она всецело отдавалась воспитанию сына, Тиберия, который был ненамного старше Юлии и в свою очередь никому не уступал в строптивости и гордости. Дети сторонились друг друга и никогда не устраивали совместных игр. У них были разные учителя, разные воспитатели, разные повара, разные увлечения.

Октавиан мечтал об общем ребенке. О сыне. Если бы Ливия родила сына, то наконец Рим мог бы облегченно вздохнуть и перестать мучать себя мыслями о

наследнике престола, а император смог бы наконец сосредоточиться на самых важных государственных вопросах.

Шли годы, но Ливия не рожала. Наверно, им обоим не доставало любви для того, чтобы свершилось таинство природы.

Октавиан покорил Испанию, усмирил непокорных в восточных провинциях, расправился с язигами на Дунае, остановил наглые племена свебов и гермундуров на Севере. Теперь предстояло поставить на колени Паннонию, возомнившую себя свободной от Рима. Он заставил хитрого Лепида отказаться от борьбы за власть. Победоносные походы вынудили сенаторов принять решение и теперь на главной площади Форума возвышалась его золотая статуя.

Но несмотря на все это пятидесятилетний император не мог обрести покоя. Он ложился спать, когда звезды на небе уже свидетельствовали о наступлении ночи, а вставал, когда последние из них еще не успевали скрыться. Император шел в бассейн и проводил там не менее получаса, после чего два искусных грека массажировали его неподвластное возрасту тело. Заканчивались процедуры в элеотезии умощеванием ароматными мазями и настоями из трав. После завтрака он проходил в свой рабочий кабинет, возле которого всегда в это время его уже дожидался Кальпурний, как обычно с непроницаемым выражением лица.

Кальпурний не имел должностей. Он был глазами и ушами Августа. Почти пятнадцать лет император использовал его незаурядные способности. Агент добывал ценную информацию в провинциях, беспокоивших Августа и грозивших преподнести неприятные сюрпризы. Бывший раб при этом выгодно проявил себя и с другой стороны. Он оказался искусным дипломатом. Именно ему удалось войти в полное доверие к свебскому царю и переманить того на сторону Рима. Кальпурний же первым подал идею о создании в провинциях секретной агентурной сети, замыкающейся на резидентах. Мысль Августу понравилась, но он сохранил ее в тайне, поручив тому же Кальпурнию заняться организацией этого дела. Заманчиво было обладать силой, о которой не догадывались бы в сенате. Позже Кальпурний предложил ту же схему для Рима.

Октавиан жестом пригласил его в кабинет. Ему нравился этот немногословный человек казался бы лишенный всякого чувства юмора. Шутов и без того достаточно. Кроме того, Кальпурний был на редкость предан и обладал изобретательным умом, без чего было бы невозможно добиваться успехов в его не простом деле. Он всегда был готов предложить хитроумную комбинацию и не одну, а несколько на выбор и каждая из них имела свою привлекательность, свою особенность и обязательно отличалась оригинальностью.

Говори, Кальпурний, - сказал Октавиан, расположившись в кресле с высокой спинкой. Глава секретного ведомства остановился в двух шагах.

Государь! Как я уже докладывал ранее, в Паннонии продолжают активные приготовления к войне. Стало известно, что Мырку, планирующий военные операции, отправился в Иерусалим с целью переманить на свою сторону Ирода. Тиберий неотлучно находится в войсках. Он разбил лагерь на берегу Дуная. На другой стороне расположились значительные силы противника. Но ни та, ни другая сторона не пытаются обострять положение, избегая даже случайных стычек. Тиберий

регулярно получает почту от Юла Антония. Сам же почти ничего не пишет, предпочитая передавать устные сообщения через своих доверенных людей.

Какие есть предположения о характере переписки? - перебил доклад Октавиан.

Имеются достоверные сведения, государь, что в доме Семпрония Гракха каждую пятницу собирается один и тот же круг лиц и под видом увеселительных застолий там обсуждаются политические вопросы. Среди которых выделяется один - будущий преемник императора.

Кто эти люди?

Квинт Фабий Максим, Квинкий Криспин, Аппий Пульхр, Корнелий Сцитон, Гней Кальпурний Пизон, Юл Антоний, Гней Корнелий Лентул и хозяин дома - Семпроний Гракх.

Не слишком ли рано взялись они обсуждать этот вопрос? Или я им кажусь древним стариком, больным и беспомощным? Или моя смерть кажется им уже спешит мне навстречу?

Прямо об этом никто не говорит, государь! Не скрывают только своего желания видеть императором Тиберия... Потом, в будущем. Более прямо позволяют себе высказываться Юл Антоний и Гней Корнелий Лентул. Последний особенно нетерпелив.

Октавиан вопросительно посмотрел на Кальпурния, давая понять, что последние слова требуют дополнительного разъяснения.

В прошлую пятницу, государь, Лентул возможно под воздействием вина, выпитого на этот раз чрезмерно, высказался с той откровенностью, которая внушает опасения.

Говори! - приказал император, заметив колебания Кальпурния.

Лентул был настолько пьян, что с трудом ворочал языком, но все-таки мой агент сумел разобрать его слова и клянется Юпитером, что запомнил их дословно. Он сказал: "Если Октавиана не остановить теперь, то он переживет всех нас и так никогда не даст нам увидеть истинного императора Рима. Октавиан должен умереть."

Что было дальше?

Фраза заставила всех умолкнуть и разбежаться по домам. Остался только Юл Антоний.

Жалость - непозволительная роскошь для императора. Я сохранил Юлу жизнь, единственному из рода Антониев, испытал жалость к младенцу. Я воспитывал его как собственного сына, не препятствовал его браку с моей племянницей Марцеллой, рассчитывая приблизить его еще более к себе и приобрел злейшего врага, - Октавиан поднялся и молча прошелся по кабинету, - Что ты предлагаешь? - наконец спросил он, подойдя к Кальпурию вплотную.

Я предлагаю отправить Лентулу короткую записку, - он передал пергаментный свиток, который давно держал наготове императору.

" Дорогой Лентул! Приглашаю тебя прибыть в ближайшую пятницу на ужин, но перед тем советую хорошо припомнить все, сказанное тобой за последнее время, чтобы не тратить усилий на это за дружеской трапезой. Август Октавиан."

Я согласен. Отправь эту записку, - сказал император, сразу оценивший ее содержание. Лентул будет перепуган и ему придется каяться, а остальные поймут, что императору известно об их застольях и о том, что на них произносится. Это повергнет их в панику и каждый начнет подозревать каждого в измене.

Дом Николая располагался в богатом районе Рима - Карины. Аристократический квартал, дома сенаторов, жрецов, полководцев. Район занимал обширное пространство между Палатинским и Эсквилинским холмами, утопал в роскошных садах и отличался благоустроенностью. Знаменитый водопровод, на который потратил столько энергии упрямый Агриппа, первым делом был проведен именно сюда. К тому же район находился недалеко от императорского дворца, здания Капитолия, Форума и храма Юпитера Капиталийского, что создавало удобство для обитателей Карин, предпочитающих не забираться лишней раз в сомнительные и неприглядные закоулки Рима.

Переполненный народом город тяжело дышал, медленно двигался, конвульсивно дергаясь, гримасничая и издавая протяжные стоны. Узкие улочки напряженно вмещали разноцветную толпу. Начали возводить трехэтажные каменные дома, которые моментально забивались людом сверх всякой меры. Отсутствие канализации, мусорные отходы и перенаселенность порождали эпидемии. Трупы свозились за Тибр.

Только крайняя нужда могла заставить римского патриция завернуть в эти места, о приближении которых догадывались заранее по нестерпимому зловонию. В самом оживленном районе Рима, районе Субуры, где торговали, веселились, играли в азартные игры, пили и находили женщину на ночь, знатные римляне не появлялись никогда. Покупки совершались в торговом квартале Велабра между Капитолием и Палатинским дворцом. Оборванец мог объявиться здесь с единственной целью - украсть что-нибудь. Без туго набитого мешочка сестерциями, а еще лучше золотыми ауреями здесь и правда нечего было появляться.

Николай жил один, не считая десятка прислуживающих ему рабов. Наука и служба при дворце, которую можно было бы назвать и приятным времяпровождением, отнимали все его время, почти не оставляя его на женщин. Октавиан однажды заговорил о его одиночестве и о том, что ему было бы неплохо жениться. Даже пообещал лично все устроить.

Государь! Жизнь коротка и нам без того отпущено мало, чтобы успеть исполнить рожденные в нас замыслы. Женщина украдет мое время и станет для меня врагом. Зачем добровольно заводите врага в собственном доме?

Николай по-прежнему поддерживал связи с Иродом, но из них давно выветрился тот смысл, который иудейский царь закладывал в самом начале и который был бы для него желательным. С мыслями о какой-либо агентурной деятельности, направленной против Рима, а значит против Октавиана, Николай расстался в тот самый момент, как только понял, почувствовал, что никогда не встречал человека, который бы был ему ближе по духу, по настроениям и убеждениям, чем император. Не ощущал он себя больше и посланником Ирода, не отказываясь впрочем от такого официального статуса и продолжая выполнять обязанности, соответствующие этому положению. Они не противоречили его целям.

Николай использовал свою должность и делал все для того, чтобы сохранить и укрепить единое пространство Римской Империи и ее провинцию - Иудею.

Самое любопытное однако было то, что он перестал ощущать себя иудеем. Свободный дух римлянина был ближе его натуре и он впустил его в себя, как желанного гостя и постепенно сроднился с ним до такой степени, что и сам превратился в римлянина. А после того, как Николай закончил свой труд "Жизнеописание", посвященный императору, его римское гражданство было оформлено по закону. Ирод прислал поздравление по этому поводу, в котором не было ни одного намека на недовольство. Наоборот, он хвалил Николая за труды и советовал взяться за описание всех выдающихся римлян. Здесь можно было бы усмотреть тайное стремление Ирода отвлечь внимание своего посланника от личности императора, о котором он, конечно, был уже наслышан и которое вызывало в нем чувство ревности. Но все это мало заботило Николая. Он думал о Великой Империи, о едином огромном пространстве, единство которого позволяло бы несмотря на всю разность народов создавать грандиозные проекты и осуществлять их. Он мечтал объединить и перемешать все лучшее, чего достигли народы - уметь обрабатывать поля и возделывать сады, уметь выделывать кожу и ковать железо, разводить скот. Он мечтал сосредоточить все достижения научной мысли в одном месте и разумеется таким местом мог бы стать только центр мира - Рим. Он видел одно препятствие для осуществления этих планов - религиозные различия. И понимал: не преодолев этих препятствий его мечтам не суждено сбыться. Снова и снова он возвращался мыслями к этой теме. В беспокойной голове, как в пчелином улье, шла непрерывная работа. Он чувствовал, что приблизился к решению на расстояние одного локтя и испытывал потребность опробовать свои выводы, но помнил о данном самому себе обещании и продолжал терпеливо ждать.

И вот сегодня вдруг мелькнула надежда.

Каждый вечер Октавиан устраивал ужин. Постоянными участниками вечерних застолий были Агриппа, Меценат, Гораций и Николай. Несколько раз приглашали Овидия. Но талантливый поэт не мог преодолеть пиетета перед императором и пускался в длиннейшие речи, имеющие своей целью прославлять достоинства Октавиана. И хоть делалось это изящно, тем не менее навело на всех скуку и в первую очередь на самого императора. Овидий был великим поэтом, но никудышным психологом. Иначе, он бы сообразил, что императору требуется нечто совсем другое. Октавиан сбрасывал с себя на несколько часов тяжелую императорскую ношу и становился равным среди равных. Так он хотел думать и в определенной мере так оно и было. В определенной мере.

Агриппа и Николай действительно иногда увлекались настолько, что могли и забыть о том, что перед ними могущественный повелитель Великого Рима и забывшись, обращались к Октавиану с неподобающей фамильярностью, воспоминание о которой на следующий день вынуждало их морщиться. Но император, казалось, не обращал на это ровным счетом никакого внимания, а поскольку такое случалось уже давно и никогда не имело никаких последствий, то можно было заключить, что Октавиан не просто терпит положение, а возможно оно, такое положение является именно тем, какого он и хотел достичь.

Гораций льстил так искренно, с такой убежденностью и верой в то, что это вовсе не лесть, а лишь выражение подлинных чувств, что это ни у кого не вызывало

отрицания, кроме самого императора. Отрицания, однако, не раздраженного, а полушутливого. Помимо того, Гораций берег уши своих друзей и обожаемого им императора, а потому не злоупотреблял высокопарным слогом.

Что же касается Мецената, то это был человек умеренный во всем, тонкий наблюдатель, способный проникать в чужие мысли и говорить каждый раз именно то, что в эту минуту требовалось.

Сегодняшний ужин начался в отсутствие Горация и Агриппы, что впрочем не расценивалось как нарушение этикета. Никто не получал специальных приглашений. Ужин являлся свободной традицией и не требовал обязательного присутствия. Тем не менее нарушалась традиция редко.

Отсутствие Агриппы ни у кого не вызвало удивления, так как всем было известно, что несколько дней назад он, правда как-то очень поспешно, собрался и отправился с военной инспекцией в Иудею. С ним вместе отправилась Юлия, дочь императора и с недавних пор жена полководца. В отношении Горация сведений не имелось, кроме того, что сказал Меценат:

Он был у меня в полдень и читал стихи, которые написал прошлой ночью. Потом мы расстались, договорившись вечером увидеться здесь. Думаю, что он скоро появится.

Со вчерашнего дня Рим обсуждал самоубийство Лентула. Говорят, он вскрыл себе вены. Смерть Лентула увязывалась в разговорах с каким-то заговором против императора. На слуху были имена Юла Антония, Семпрония Гракха, Корнелия Сцитона. Ожидали развязку этого дела. И Николай, и Меценат догадывались, что Октавиан знает все подробности и истинные причины самоубийства, но не смели касаться этой темы. Император же проявлял полнейшее безразличие к судьбе Лентула и заговорил о предстоящем слушании в Сенате дополнений к закону о браке и прелюбодеянии.

Наши уважаемые сенаторы боятся собственных жен. Они никогда не испытывали страха на поле битвы. По той единственной причине, что всегда предпочитали супружеское ложе вместо кровавой рубки. Они превратились в мужчин, которые не способны доказывать это своим супругам.

Но насколько мне это известно, также впрочем как и всему Риму, многие из них успешно демонстрируют свои мужские достоинства в обществе незамужних красавиц, поклонниц Эпикура, - сказал Меценат и чуть поколебавшись, добавил, - Если верить всему, что говорят в Риме, то в этом обществе можно обнаружить не только незамужних красавиц...

Последняя фраза была наполнена скрытым смыслом, что и вызвало затруднение ее произнести. словно требовалось пронести и не пролить, заполненный до краев кувшин с вином. Среди прочих слухов, бродивших, витавших и ползавших по Риму для Мецената имел значение один. Речь шла о его жене Теренции и ее взаимоотношениях с Октавианом. Меценату недавно исполнилось пятьдесят семь лет. Он был старше императора, старше Агриппы, старше своего друга Горация, но еще не в том возрасте, когда мужчина готов обессиленно отступить перед любимой женщиной. Меценат был тонок, слишком хрупок, но обладал неукротимым внутренним огнем, жар которого ощущался на расстоянии несмотря на всю его

завидную способность укрощать пламя. В последний год, однако, все обращали внимание на тревожные перемены, происходившие в нем. Часто и непредсказуемо, иногда посреди разговора, он впадал в прострацию. Взгляд терял всякую осмысленность, он сбивался на полуслове, замолкал и если странное беспамятство настигало его в тот момент, когда он стоял, то ему приходилось немедленно искать место, на которое можно было бы опуститься. Он закрывал глаза, сжимая голову руками, словно пытаясь удержать ее. Потом он беспомощно улыбался и не знал, как продолжить беседу. Он не помнил предыдущего разговора. Теренции не было еще и тридцати. Родом она была из Байи, славного местечка, куда римские граждане любили отправляться на отдых и где стараниями местных жителей все было устроено, отлажено и прибрано именно с той целью, чтобы богатый римлянин мог здесь расслабиться, разнежиться, забыться, а взамен, избавившись от столичной скупости, проявить безмерную щедрость. Отец Теренции владел лучшими купальнями курорта и имел зажиточный дом. Когда же в его доме стал часто появляться Меценат в компании с Горацием, он сразу догадался о причинах столь частых визитов. Семнадцатилетняя дочь к тому времени привлекала внимание окружающих также неотвратимо и естественно, как например необычный алмаз в лавке ювелира или внезапная радуга на сухом небе.

Меценату не пришлось долго ухаживать и скоро в его доме появилась Теренция. Она оказалась не только красавицей, но вдобавок была наделена природным умом, способным оценивать мысль и проникать в глубь ее, не удовлетворяясь лишь ее верхним слоем.

Доказательством ума иногда служит не блестящая речь, а содержательное молчание, передаваемое точной выразительностью проницательных глаз.

Октавиану нравилось говорить с Теренцией. К тому же выяснилось, что она владеет некоторыми языками варварских племен, расположенных немного северней ее родных мест. Октавиан использовал это обстоятельство и приблизил Теренцию к себе, осознавая, что делает это не только из необходимости переводов... Теренция стала часто появляться во дворце, а спустя короткое время Рим получил душистый слух, запах которого сумел перебить смешанные ароматы каринских садов. Меценат мучительно вдыхал эти запахи, они усиливали его головные боли, заставляли сутулиться, вносили сумбур в ровные ряды мыслей, вынуждая их беспомощно метаться, словно поверженный и рассеянный в поле легион, обращенный в беспорядочное бегство.

Дерзкий намек, который он теперь позволил себе произнести и который ни за что бы не произнес раньше, был следствием его болезненного состояния. Октавиан, однако, не был смущен или растерян, но удивление вперемешку с неудовольствием скрыть не сумел.

Николай, оказавшийся невольным очевидцем опасных слов, грозивших впервые нарушить тот устойчивый порядок, который сохранялся всеми участниками вечерних застолий, почувствовал на этот раз приближение катастрофы.

Да, дорогой Меценат! Если верить всему, что говорят в Риме, то уважаемый консул Марк Аврелий Котта Мессалин давно соблазнил всех женщин Рима и теперь устраивает оргии исключительно в обществе девочек-подростков. Мне не раз доводилось слышать об этом. А между тем в его доме действительно собираются

незрелые юные особы, но они совершенно невинны. Секрет в том, что уважаемый консул страстно увлечен астрологией, в особенности, восточной. Но ведь хорошо известно, что Рим не поощряет интерес к гадалкам с Востока. Марк Аврелий всего лишь удовлетворяет любопытство юных дев, читая им лекции. Дорогой Меценат, если бы мне не доводилось самому слышать этих лекций, то тогда пришлось бы верить тому, что говорят в Риме.

Реплика Николая пришлась кстати и сумела оказать успокаивающее действие. Тонкая прожилка на правом виске императора, успевшая вздуться от прилива крови, медленно возвращалась в привычное русло, как возвращаются воды Тибра в свои пределы после весеннего разлива.

Меценат, как будто обескураженный собственной выходкой, поднял бокал с фалернским вином, пригубил и молча поставил обратно.

Если бы любовь правила миром, а человек относился к другому также, как он желал бы, чтобы относились к нему, то изменился бы сам мир! Нравственность тогда бы достигла такой высоты, перед которой померкла бы слава наших богов.

Николай бросил изумленный взгляд на Мецената, а в следующую секунду его глаза встретились с глазами Октавиана, в которых застыло тоже изумление, словно зеркально отраженное.

В это время послышались громкие голоса, в одном из которых безошибочно угадывался голос Горация, а через минуту перед глазами друзей предстал и он сам. Белая тога небрежно болталась на его худом теле, словно он надевал ее в темноте. Глаза пьяно сверкали, а длинный и заостренный нос торчал воинственно как дротик варвара. Он тащил упирающегося и растерянного толстяка, взмокшего и распаренного, словно только что покинувшего бани.

Оказавшись прямо перед императором, толстяк перестал сопротивляться и выпучив красные глаза и безвольно опустив короткие руки, уставился на него, напоминая бычка обреченного на заклание.

Не стоило никаких трудов узнать в нелепой фигуре известного всему Риму богача Апиция. Он был удачливым торговцем, владельцем лавок и питейных заведений, большинство из которых располагалось в бедняцких кварталах Субуры. Несмотря на огромное состояние, Апиций был всего лишь плебеем и его появление в доме Августа было равносильно неслыханной дерзости. Потому он и упирался шумно, но неумело, не находя приличных приемов для сопротивления знаменитому Горацию.

Несколько минут все молча наблюдали за Октавианом. Показалось, что за эти мгновенья Гораций неожиданно протрезвел и понял, что совершил нечто грубое и непоправимое. Он прислонился к холодному мрамору колонны, словно не доверяя больше ослабевшим ногам.

Надеюсь, дорогой Апиций, ты не откажешься от бокала вина? - произнес наконец император и на его лице образовалась лукавая улыбка.

Хитрый толстяк мгновенно уловил настроение Октавиана и демонстрируя отменную реакцию, которая наверно немало способствовала его успеху, незамедлительно принял на себя ту роль, которую предложил ему сыграть император.

Известно всем, государь, что я не пью ни капли вина, но не смею отказаться теперь, когда сам Великий император Рима предлагает мне это сделать.

Ответ Апиция был встречен хохотом, так как всему Риму было как раз известно обратное. Правда говорили, что Апиций способен осушить амфору среднего размера и если валялся под стол, то последним. Однако, до сих пор не нашлось свидетеля, который мог бы подтвердить, что видел толстяка сраженного вином. Комизм ситуации заключался еще и в том, что и сейчас Апиций с трудом удерживал равновесие, распространяя вокруг себя терпкий винный запах и вызывая подозрение, что одну амфору он уже успел опустошить. Судя по всему Гораций от души хотел помочь ему в этом деле.

Присаживайся! Будь гостем! - Октавиан указал жестом на свободное ложе.

Гораций оторвался от своего мраморного помощника и усевшись возле Мецената, чувствуя радостное возбуждение от перемены настроения императора и желая внести свою долю, сказал:

А мне налейте вина по причине того, что я - пью!

Но постепенно разговор все дальше уходил от бесполезных шуток и все ближе перемещался в деловую сторону.

Октавиан ценил устраиваемые вечеринки не только потому, что находил в них прекрасный способ расслабиться, но еще и потому, что в непринужденной беседе имел возможность прояснить отношение к тем или иным проблемам, которые порой не давали ему покоя, вызывая тяжелые сомнения. Потому он, преодолевая гордость и перешагивая через собственное самолюбие старался сохранить этот дух взаимного доверия и искренности. Императору важно было знать правду. Конечно, он доверял Кальпурнию, который по своей должности обязан был ежедневно "поставлять правду на завтрак". Он и делал это со всей добросовестностью. Но в обязанности Кальпурния не входило обсуждать решения императора и тем более не соглашаться с ним. Такая возможность существовала только здесь и только в этом кругу. Объявившийся вдруг Апиций заинтересовал Октавиана. Из всех присутствующих он был единственным, кто вращался среди разнообразной публики, не исключая оборванцев, околачивающихся на пристани Тибра и заполняющих к ночи многочисленные таверны. Впрочем, Апиций возбудил интерес и у остальных гостей, плохо знающих жизнь римских граждан из кварталов Субуры.

Ощущая пристальное внимание и наполняясь гордостью, Апиций увлекательно рассказывал о трудностях торгового дела, о разграблении судов пиратами, о жадности греческих купцов. Невинно, между прочим, пожаловался на неудобство причалов на Тибре и расположением складов, из-за которых разгрузка торговых кораблей растягивается на несколько дней. При этом не забывал поглядывать на Октавиана. Слышит ли?

Ну, а что, дорогой Апиций говорят в Риме по поводу строительства храма? - спросил император.

Речь шла о строящемся храме в честь Юлия Цезаря, храме давно задуманном Октавианом и имеющем для него как явный, так и тайный смысл. По замыслу это сооружение не должно было уступать по своей грандиозности никаким другим сооружениям Рима и постоянно напоминать его гражданам о величайшем из

императоров, сумевшим превратить Римскую империю в непобедимый, необъятный, самый могущественный за всю историю конгломерат. Строительство храма на все времена останется в памяти потомков связанным с его именем. Храм - это бессмертный символ его, Августа Октавиана, законной власти. И, наконец, храм должен был свидетельствовать и напоминать о том, что наивысшей славы Рим смог достичь именно тогда, когда вся власть была сосредоточена в одних руках. Не республика, а единоличная неограниченная власть императора вознесла Рим и сделала его центром мира.

Октавиан выжидательно глядел на Апиция и ждал ответа на свой вопрос, который кажется ввел толстяка в замешательство. Действительно, Апиций находился в растерянности. Глуповато улыбаясь, он смотрел на императора, не умея однако скрыть присущее торговцу выражение в момент, когда тому предлагают сомнительную сделку.

Не бойся! Говори, что думаешь! - приободрил его император, от которого не ускользнули сомнения Апиция.

Ходят слухи, государь, что ты намерен запретить гладиаторам биться боевым оружием и хочешь, чтоб они дрались палками. Вот что волнует народ. Люди так и говорят, что перестанут ходить в цирк. А на строящийся храм поглядывают только для того, чтоб сравнить его высоту с высотой храма Юпитера Капитолийского или Венеры Родительницы, - сказал Апиций, продолжая бороться с собственной неуверенностью.

Вот, дорогой Меценат! Люди жаждут крови! Хлеба и зрелищ! А ты рассуждаешь о всемирной любви друг к другу!

Толпа жестока и необразованна. Жестока, потому что необразованна. Наши жрецы больше думают о своих желудках, чем о просвещении народа. На протяжении веков они повторяют одно и то же. Люди привыкли к их монотонным речам и давно перестали вслушиваться в их смысл, как перестают замечать шум водопада живущие у его подножия. Я говорю о той любви, которая требует познания и долготерпения. Путь к которой лежит через просвещение. Я говорю о любви, как о науке.

Как о науке? - встрепенулся Николай, - Но, дорогой Цильний, наука основана на фактах и доказательствах и держится на авторитете учителя. Любовь не поддается измерению, ее нельзя ни взвесить, ни поместить в формулу, как это делал мудрый Пифагор и не менее мудрый Аристотель. Кто может быть авторитетом в такой призрачной области, которую нельзя ни пощупать, ни попробовать на вкус, ни уловить запаха? Последователи и ученики есть у Эпикура, у Зенона, у Диогена, у Платона, у Лукреция, но кто способен стать безоговорочным авторитетом для всех?

Что ты утомляешь малый ум вечными вопросами? - недовольно отозвался Гораций, испытывая потребность встать на сторону старого друга против изворотливого иудея, к которому он никак не мог проникнуться чувством любви, - Или забыл, что согласного судьба ведет, а не согласного тащит? Так, кажется, говорил Диоген Лаэртский.

Безоговорочным авторитетом может стать тот, кто принесет людям любовь, - сказал Меценат, не обращая внимания на попытку Горация прийти к нему на помощь.

Пораженный совпадением мыслей и никак не ожидавший этих слов от Мецената, никогда не касавшегося даже намеком опасной темы, Николай тем не менее решил до времени не подавать виду, что в главном, в идее любви, он с ним согласен и сам давно размышляет об этом.

Ты хочешь сказать, что наши Боги не обладают даром любви? - спросил Октавиан, до того молча наблюдавший за спором.

Наши Боги предпочитают, чтобы их боялись, - решительно ответил Меценат.

Из всех человеческих качеств иудейский Бог тоже выбирает страх. Разве не так? - повернулся Гораций к Николаю.

Да, до сих пор считалось, что только страх способен удерживать человека в смирении и послушании, - задумчиво подтвердил иудей.

Неужели Вы думаете, что любовь способна выполнить эту роль лучше страха? - воскликнул император.

Да, я так думаю, - твердо заявил Меценат.

Я разделяю мнение нашего друга, - присоединился Николай, заставив Горация удивленно вскинуть брови. На этот прямо поставленный вопрос нельзя было отвечать уклончиво, иначе таилась возможность ввести в заблуждение помимо остальных и самого императора, а вот этого делать Николаю как раз и не хотелось.

А что думаешь ты, Апиций? - не унимался Октавиан, проявляя крайний интерес к обсуждаемой теме.

Торговец сидел с таким видом, словно его заставляли выйти на гладиаторскую арену и уже протягивали ему в руки короткий спартанский меч. Он не понимал этого разговора.

Богов нельзя касаться простому смертному, - выдавил Апиций.

С тех пор прошло еще пять лет. Уже не было в живых Агриппы, в один год покинули суетный мир Меценат и Гораций, словно желая доказать, что и смерть не в силах разрушить их дружбу.

После смерти Агриппы Юлия стала женой Тиберия. Брак этот был придуман Ливией. Он укреплял власть в империи и открывал путь к трону Тиберию. Ливия не ошиблась в своих расчетах. Согласие императора было получено сразу. Кроме того, Октавиан приложил немало усилий для того, чтобы склонить Юлию к этому союзу. Ливии же пришлось уговаривать сына. Обоюдная неприязнь молодых с годами никуда не исчезла и имела форму плохо скрываемой ненависти. Однако, уговоры родителей и осознание собственной ответственности перед империей возымели действие. Брак состоялся. Он почти ничего не изменил в личных отношениях Тиберия и Юлии, позволяя вести прежнюю жизнь, не подвергая ее переделу в угоду одного из супругов. Но отношение Октавиана к Тиберию претерпело изменения. Он стал всерьез приглядываться к нему, как к своему преемнику.

Донесение Кальпурния повергло его в смятение. Притихшие на время, все те же - Юл Антоний, Гракх, Квинтий Криспин и другие опять зашевелились, опять недовольны и неразлучны в своей злобе. И Тиберий с ними...

Октавиану недавно исполнилось пятьдесят четыре года. Он был крепок, по-прежнему статен, вынослив. Но иногда императору казалось, что он безнадежно состарился, что душевные силы покидают его и нет уже больше той решимости бороться с противниками, которая позволяла ему до сих пор опережать их и выходить победителем. Он тратил годы на то, чтобы усмирить варварские племена на Севере, чтобы держать в повиновении Восточные провинции, чтобы добиться спокойствия в пределах империи, но стоило лишь прикрыть веки и возблагодарить Богов за краткие мгновения покоя, как тут же снова начинал доноситься воинственный скрежет металла и шепот диких лесов перерастал в угрожающие гортанные крики врагов. И, казалось, не будет этому конца..

Но еще тревожней осторожный шорох и бесшумная поступь тех, кто рядом. Кто прячет свой взор, опасаясь разоблачения... Страх еще сдерживает их порывы. Но прав был Меценат - страх преодолим. И тогда...

Случись это раньше, он заставил бы Тиберия заплатить кровью. Невзирая на проклятия Ливии. Но теперь... Теперь он колебался и не знал на что решиться. Несколько ночей Октавиан обдумывал положение. Приказал доставить Тиберия. Доставить без вооруженной охраны, но так, чтобы тот сразу почувствовал твердую руку Октавиана и понял, что императору известно все. Не стоит тратить время на пустые разговоры. Кальпурний послал восьмерых легионеров из личной охраны без оружия. Каждый в Риме знал, что это означает.

Тиберий держался с достоинством и не произнес ни одного слова в оправдание.

В ближайшие дни ты отправишься на Родос, - сказал император. Эта фраза не требовала пояснений. На острове находилось старинное имение Клавдиев, давно заброшенное, не ремонтируемое, готовое вот-вот разрушиться от ветхости. Приказ императора означал ссылку, - Будет объявлено, что ты решил уединиться и заняться науками. По случаю твоего отъезда будут устроены торжественные проводы и проведена церемония со всеми почестями, которых заслуживает будущий император.

Тиберий молчал.

Если ты захочешь заговорить, известишь меня. Если нет, то вернешься в Рим только после моей смерти. Иди и собирайся в дорогу.

С того времени, как Октавиан приказал выстроить для себя дом и перебрался в него, супружеское ложе перестало для него существовать. Ливия осталась во дворце. Они даже не обсуждали эту ситуацию. Обоим она казалась естественным продолжением искусственного брака и наилучшим разрешением проблемы. Супруги не виделись порой днями, а то и неделями. Никогда, ни разу, Ливия не переступала порог дома, несмотря на то, что он вплотную примыкал к стенам дворца.

Она нашла в себе силы не прийти и на этот раз. Как только Тиберий ушел, Октавиан стал готовиться к разговору с Ливией. Он не сомневался, что она не выдержит и придет просить за сына. Он ждал. Но она не пришла.

Тиберий был отправлен на Родос в сопровождении многочисленной и надежной охраны. Это должно было означать "заботу" императора о наследнике.

Со смертью близких друзей разрушилась традиция вечерних застолий. Николай находился теперь при императоре постоянно и нередко оставался в его доме на ночь, где для него были отведены роскошные покои. Он сопровождал его повсюду. Их отношения достигли той глубины, когда они научились понимать друг друга глазами. Николай не пытался вернуть Октавиана к тому памяtnому разговору. За много лет он хорошо изучил привычки императора и поражался его способности годами вынашивать какую-нибудь мысль, будучи уверенным, что она преждевременна, что она еще должна отлежаться, что для нее еще не созрели условия. Но император помнил все. Николай, присутствуя на многочисленных встречах со жрецами, нередко ловил загадочный взгляд Октавиана, загадочный для окружающих, но не для него. Взгляд и предназначался ему, Николаю, и этот взгляд напоминал ему, что император ничего не забыл, но не время... Еще - не время.

И вот, прогуливаясь по солнечным дорожкам садов Помпея вблизи Фламиниевой дороги, куда император приказал доставить их, Николай решил нарушить табу и вернуться к давнему разговору. С тех пор он успел много передумать и мысли переполняли его. Вдобавок он начал всерьез опасаться, что по неизвестным ему причинам Октавиан так и оставит эту тему в забвении. Тему, которая волновала и тревожила Николая и которая получила неожиданное развитие два года тому назад, когда он, преодолевая протест императора, все же покинул его на целых девять месяцев и провел их в Иудее. Дамаск после смерти родителей больше не интересовал его. Как и прежде, он жил во дворце Ирода. Царь Иудеи почти не мог двигаться из-за болезни ног. Он восседал на троне в мрачной полутемной зале, предпочитая одиночество и раздражаясь, когда кто-либо нарушал его. Даже если это был один из сыновей. Даже если любимый сын, названный в честь отца - Иродом.

В Назарете он остановился у Марии, приходившейся ему племянницей. Муж ее - простоватый Иосиф сразу понравился. Провинциальный, робкий, но честный малый.

Что же Вы детишками не обзаводитесь? - пошутил по-родственному Николай.

Бог отвернулся от нас, - печально ответила Мария.

Да, - вздохнул Иосиф, - Как видно Богу нет дела до нашей печали...

Может Вы не очень усердно просите его о милости? - усмехнулся Николай.

Мы устали просить его! У нас больше не осталось на это сил! Бог любит богатых и здоровых! - воскликнула Мария и заплакала.

Не плачь. Не надо, - утешал ее Иосиф, - Скоро все переменится. Вот увидишь. Все говорят об этом.

О чем? - не понял Николай.

О Мессии! Скоро на землю придет Мессия. Он принесет людям счастье. Об этом все говорят и все ждут его.

Вы говорите о пророчестве Моисея?

Да. Пришло время сбыться пророчеству.

И в ту же секунду Николай понял, что нашел наконец-то ответ на свои размышления...

Октавиан и Николай медленно прогуливались по солнечным дорожкам садов Помпея. Многочисленная охрана держалась далеко позади. Николай еще раз взглянул сбоку на императора и сделав небольшое усилие, приступил.

Государь! Как быстро течет время! Как неумолимо поглощает оно наших друзей, наши помыслы, превращая наши мечты в ненужный хлам!

Я знал, что ты не выдержишь и когда-нибудь заговоришь об этом, - спокойно сказал Октавиан.

Николай не удивился тому, что не успев ничего сказать о главном, император сразу ухватил его настроение и понял смысл его слов именно так, а не по-другому. Он даже был уверен, что все будет именно так.

Да, государь, я бы хотел с твоего позволения продолжить ту тему, которую когда-то начал наш друг Меценат.

Говори! Может быть, теперь и настало для этого время.

Зная твою блестящую память, наверно напрасно спрашивать - помнишь ли ты все подробности того разговора?

Все помню. Каждое слово.

Я тогда не мог для себя решить один вопрос. Кто способен прийти к людям с такой любовью, в которую поверят все безоговорочно и никто не усомнится в авторитете того, кто принесет эту любовь. Ту любовь, о которой так хорошо говорил Меценат. Ту любовь, которую принял бы и римлянин, и самарянин, и грек. Которая бы достигла сердец гермундулов, язигов, свебов, хаттов. Любовь, которая бы объединила всю империю, сделав людей смиренными и послушными.

Ты так вдохновенно говоришь, словно и сам веришь в эту любовь?

Разве любовь может обмануть мудрость, для которой свят только цинизм? И разве можно без цинизма устроить мир любви? Кто любит, тот слеп и безвреден.

А дружба? Она способна обмануть мудрость?

Дружба - одна из форм эгоизма. В дружбе любят то, что есть общее, а значит часть самого себя.

Некоторое время они шли молча. Николай чувствовал, что мысли императора в эту минуту встрепенулись, замахали крыльями, как поднимающаяся ввысь неровная птичья стая, на взлете выстраивающая правильную форму косяка и не хотел перебивать их.

Страх и любовь. Много лет я думаю о том - что сильнее? Цезаря не любили, но толпы преклоняли перед ним колени и восхищенно глядели на него, как на бога. Страх казался им любовью...

Да, государь! Любовь всего лишь пригрезилась толпе. И доказательством тому послужил ужасный конец Великого Цезаря. Каждая сила порождает другую силу, обрекая их на противоборство и неминуемое столкновение. Сила возникает из страха и страхом управляется. Страх - источник войн, кровопролитий, бунта, ненависти. И, наконец, страх - преодолим. Он не в состоянии сделать мир лучше. Страх, на котором

держится Империя - самая большая угроза существованию самой Империи. Любовь же порождает добро и смирение, превращая толпу в безобидное стадо овец. Ничто не может угрожать Империи, в которой роль закона исполняет любовь. Кто способен прийти к людям с такой любовью? Долго я думал над этим, перебирая в памяти имена и судьбы философов, неизменно приходя к разочарованию и все больше проникаясь осознанием бесплодности и тщетности затеи. Неожиданное и долгожданное озарение явилось мне два года тому назад в Назарете. И я понял, кто нужен нам, кто способен прийти к людям с идеей любви и кого толпа не отвергнет.

Октавиан замедлил шаг и остановился, недоверчиво и заинтересованно вглядываясь в сморщенное лицо Николая.

Это может сделать только Бог. Бог, сошедший с небес. Мессия, которого уже ожидают тысячи иудеев, выучив наизусть пророческие слова Моисея и повторяя их как заклинание. Это будет посланец Бога, сын его, принявший человеческий образ, живущий среди людей и творящий Слово Божье. Слово, которое мы вложим в его уста.

Ты хочешь сказать, что этим посланцем будет?...

Да! Да! Да! - возбужденно воскликнул Николай.

Император жестко, испытующе впился глазами в глаза иудея, словно желая убедиться в его здравомыслии.

Мы придумаем Бога! И установим новую власть в Империи! Власть, которая заменит страх на любовь и станет несокрушимой! Станет не нужной военная сила, утратит свою роль закон! Толпа смиренно преклонит колени перед Империей и императором! Потому что того будет желать Бог! Идея любви и смирения охватит все земли, создаст новую веру, новое учение, объединит народы. До сих пор только различие в вере препятствовало устранению противоречий между людьми. Единый Бог сотрет противоречия и установит Вечный мир на земле!

Власть императора померкнет перед властью такого Бога.

Государь! Бог будет исполнять волю императора, а императору останется лишь делать вид, что он исполняет волю Бога.

Мессию ожидают иудеи. Это будет иудейский Бог. Что он для гордого римлянина или дикого варвара, поклоняющегося идолам?

Да! Бог должен прийти из Иудеи. Начинать надо оттуда, где уже проросло семя. Но он придет не только для иудеев - для всех. Идея любви, на которой будет построено новое учение, сделает это учение всемогущим и непобедимым. Ничто и никто не устоит перед силой этого учения, потому что оно способно воспроизводить само себя. Достаточно лишь зажечь костер, а дальше не нужно беспокоиться о том, что он затухнет. В этом его чудесная сила. Нет ничего правдивее обмана. Трудно обмануть одного, но нет ничего проще, если надо обмануть миллионы. Человек счастлив ни тогда, когда владеет правдой; а тогда, когда живет в мире иллюзий. Он сам стремится быть обманутым, нести обман и размножать его. Это и есть суть воспроизводства идеи из самой себя. Идея любви обладает всеми свойствами для воспроизводства, а потому постепенно вытеснит все остальные и завладеет умами всех.

Кроме стойков, - усмехнулся Октавиан.

И киников, - добавил Николай.

Продолжай! Я с интересом слушаю тебя!

Масштаб задуманного настолько грандиозен, что потребует не одного десятилетия на его осуществление. В наших силах только разжечь костер. Но и для этого потребуются немало усилий. В Назарете живет моя племянница. После долгих лет бездетности она наконец родила сына. Живут они с мужем скудно, испытывая постоянную нужду и конечно будут не в состоянии дать сыну надлежащее воспитание и образование. Я заберу Иешу в Рим и сделаю из него Бога.

И ты думаешь, что однажды твой Иешу выйдет на улицу, станет учить людей любви и они поверят ему? - засмеялся Октавиан.

Если бы он так поступил, то не прожил бы и дня. Народ закидал бы его камнями. Нет. Прежде чем он объявится перед народом, придется потратить не один год на провозвещение об этом событии. Пророчества Моисея помогут нам в этом. Но еще ценнее будет помощь тех, кого мы найдем в актеры на исполнение ролей в этом небывалом спектакле. Понадобятся "очевидцы" пришествия, "свидетели" чудес, а чудес должно быть в достатке. Чудо - это доказательство божественной силы. Иначе, никто ему не поверит. А когда в разных уголках Иудеи появятся слухи об исцелении больных, о возвращении слепым зрения, глухим слуха и перед толпой предстанут десятки, сотни людей, готовых свидетельствовать и клясться, что все это происходило "на их глазах", тогда никто не усомнится в его божественном происхождении и толпа пойдет за ним. Появятся ученики, последователи, глашатаи. Они будут переходить с одних земель на другие и разносить учение. Это и будет тем костром, который уже не удастся погасить. Мы станем творцами этого костра.

Не сгореть бы и нам в его пламени, - задумчиво произнес Октавиан.

Собеседники взошли на заросший акантом и диким виноградом холм. Человек двадцать рабов из сопровождения нерешительно затоптались внизу, повинаясь недвусмысленному знаку Октавиана. По другую сторону холма вытягивались кипарисы и оливковые деревья. Дальше хорошо просматривалась чистая долина, перерезанная тонким следом оставшимся от строительных работ. То был знаменитый водопровод, сооруженный стараниями Агриппы. За ним начинались великолепные сады Лукулла.

Как хорошо, что нас не слышит сейчас добрый Агриппа,- произнес император, окидывая взглядом чудесное творение старого друга.

Агриппа не понял бы нас теперь, - поспешил согласиться Николай.

Солнце распалось все больше и больше, словно обиженное полным невниманием со стороны двух, увлеченных беседой, человек.

И все-таки одним слухам веры не будет,- продолжил после паузы император, - Потребуется создать целое учение, которое по глубине своих мыслей превосходило бы все другие известные нам до сего дня. Не сомневаюсь, что ты об этом подумал и готов предложить свой план. Не так ли, дорогой Николай?

Тебе известно, государь, что я по своим убеждениям киник. Смерть для меня такой же факт как рождение, как сияние солнца и блеск луны. Меня не страшит

мысль, что после смерти я превращусь в ничто и это делает меня по настоящему свободным человеком. В отличие от всех этих людей, - последовал презрительный кивок в сторону подножия холма, - Все они живут под страхом смерти. Тот, кто даст им надежду на бессмертие, тот станет хозяином их душ.

Так все-таки страх! Все равно страх! - воскликнул император.

Страх не изжить на земле. Но те, кто поверят в любовь будут думать, что возвысились над страхом. Нам не нужно писать научные труды. Способность идеи самовоспроизводиться сделает это за нас. Нам предстоит только сформулировать основные мысли - о любви людей друг к другу, о любви к Богу, о смирении и послушании, о безропотном страдании на земле ради вечного счастья в бессмертии. Мы не станем отвергать заповеди Моисея, но наполним их любовью.

Киники близки стоикам. И те, и другие презирают смерть. Но на театральных подмостках жизни стойки исполняют свою роль изящней. Не забывай об этом, друг мой!

Неукротимый разум Николая требовал торжества, достижения цели, воплощения задуманного. Казалось бы, его цинизм и презрение к смерти должны были лишить жизнь самого главного - смысла и превратить его в ироничного наблюдателя. Но этого не происходило. Амбиции и тщеславие были его смыслом. Николай испытывал восторг от осознания того, что он, именно он в тайне от всех приводит в исполнение самый грандиозный план со времени бегства иудеев из Египта. Но его честолюбие было лишено тех свойств, которые толкают к славе и известности. Он не стремился сравняться с Моисеем. Истинное наслаждение доставляла ему сама мысль, что он "выше" Моисея, "выше" Бога, что он незримо властвует над людьми. Счастье - рационально. Оно изменчиво и непостоянно, как море... Достиг сегодня успеха - и ты счастлив. А завтра испытал неудачу и счастливое настроение покинуло тебя. Лицемеры те, кто твердят о неземном счастье, а впадают в уныние от самой малой неприятности и переполняются гордостью от самого малого успеха.

Николай заводил знакомства в Галилее, Самарии, Иудее, приглядываясь в особенности к семьям, в которых воспитывались мальчики. В таких семьях он задерживался на несколько дней, проводя большую часть времени с детьми. Разговаривал с ними, играл, ходил ловить рыбу, выясняя незаметно их склонности, способности, знания, проверяя память и сметливость. Неизменно на два-три месяца останавливался в Назарете у племянницы, наблюдая, как подрастает малыш и обнаруживая, к удовольствию, в нем любознательность и неумную энергию.

Как-то Иосиф рассказал о своем друге Захарии, жившем неподалеку, в горном селении.

Он знает Писание лучше всех нас. От него и народ наш, несчастный, надежду имеет. Через него пришло к нам ожидание Мессии.

Не прошло и двух дней как Николай уже сидел в ненадежном доме Захарии, говорил с женой его Елизаветой, а на коленях у него сидел шестилетний кудрявый мальчуган, их сын Иоанн. Однако, долго усидеть на коленях мальчик был не в состоянии. Его темперамент требовал движения, прыжков, кувырков, смеха и визга. Он непрестанно задавал вопросы, забывая выслушивать ответы, что ничуть не огорчало Николая, а указывало ему на небывалую быстроту мысли юного отпрыска.

Возвращался Николай из своих путешествий не один. Каждый раз его сопровождало несколько подростков от десяти до двенадцати лет. Из тех, на ком он останавливал свой выбор.

В Риме они помещались в специальную школу, о существовании которой знали немногие. Любопытный мог узнать о школе лишь то, что там обучают иудейских детей искусству, философии, иностранным языкам, римскому праву и этике.

Октавиан выглядел угрюмым. Его терзали сомнения и преследовали страхи. Он не мог смириться с вероломством дочери.

Тиберий находился на Родосе и по сообщениям агентов вел себя смирно, углубившись в чтение философских трудов. Хитрит? Выжидает? Но пока он не опасен. Юлия, заполучив полную свободу, надолго пропала из виду. Так что даже всезнающий Кальпурний не всегда мог предоставить информацию о ней. Что же, дочь императора владела секретами тайной канцелярии и при желании умела скрывать следы. Октавиан был взбешен, когда отдал приказ доставить ее, а люди Кальпурния три дня безрезультатно рыскали по всей империи.

Это случилось вскоре после смерти Ирода и очередного возвращения Николая из Галилеи. Он сказал тогда, что было бы неплохо переманить Ирода Второго на свою сторону. По его наблюдениям дело это вполне осуществимое, так как сын кажется пошел в отца и не отличается богобоязненностью. Николай напомнил, что Юлия хорошо его знает с тех пор, как двенадцать лет тому назад посетила Иерусалим вместе с Агриппой.

Ирод честолюбив и хитер. Его воспоминания о Юлии были переполнены восхищением, облепленным со всех сторон намеками, как взбухший от нектара цветок пчелами. Он не решился высказать вслух то, что будоражит его воображение...

Неужели он вздумал, что...

Да, государь! Он лелеет надежду породниться с тобой! Особенно теперь, когда ты изгнал Тиберия. Кажется, его планы простираются очень далеко...

Глупец! - бросил император, не скрывая отвращения, - Если Тиберий не смирится, он умрет раньше меня, а я могу усыновить одного из его пасынков - Луция или Гая, в которых течет кровь Клавдиев.

Юлия могла бы помочь нам, используя свое влияние на Ирода и это значительно облегчило бы мое положение в Галилее.

Стоит ли посвящать ее в наше дело?

Юлия умна, ненавидит Тиберия и обожает отца. Разве это не залог того, что ей можно доверять?

Октавиан приказал разыскать Юлию и был взбешен, что этого не смогли сделать в тот же день. Однако, он был еще более взбешен после разговора с дочерью. Она не поняла и не приняла ничего из того, что он, взяв с нее предварительно клятву молчать, сообщил ей.

Этот иудей обманывает тебя! Он делает все, чтоб возвысить свой народ и унижить Рим! - сказала она, теряя самообладание.

Октавиан выгнал ее и приказал не отлучаться из Рима. Он был в ярости. "Николай стремится унижить Рим!" - эта мысль засела в его голове и впервые заронила семена недоверия к иудею. Октавиан вызвал Понтия Пилата, которому было поручено создать засекреченную школу для иудейских детей. Император верил молодому Пилату, отец которого всегда оставался на стороне Цезаря и воспитал сына в почтении к его памяти. Также он пригласил Гая Кальвися Сабина, поддерживающего его во всех делах на протяжении тридцати лет и Луция Пассиена Руфа, которому император покровительствовал и на которого имел виды, думая о будущем. Сорокалетний Руф внушал уважение степенным и глубоким умом, способностью анализировать не упуская многочисленные подробности. Когда он заканчивал доклад, устанавливалась тишина. Время, необходимое для осмысления всего того, что было только что произнесено. Детали придавали общей картине ту цельность, которая меняла полностью прежние представления.

Октавиан, преодолевая раздражение, рассказал о встрече с Юлией и зароненных ею подозрениях.

Государь! Как ты мне и повелел, я внимательно изучаю все записи, которые Николай готовит. Он выражается витиевато, это правда, но ничто, клянусь Юпитером, не указывает на измену, - сказал Сабин, - Кроме того, я согласен с Николаем, что этот труд должен быть выполнен в определенном стиле, сообразуясь с духом посланий древних пророков и устанавливая духовную связь с ними. Нет, я нигде не вижу его стремления возвеличить иудейский народ в ущерб Риму. Он говорит о грехе, относящемся в равной степени как к иудею, так и к римлянину, так и к любому язычнику. То же он говорит и об искуплении греха. Он искусно лишает иудеев самоуверенности в своей богоизбранности, обращаясь к древней традиции обрезания.

Сабин извлек несколько пергаментных свитков и, развернув один из них, начал зачитывать: "Итак, если необрезанный соблюдает постановления закона, то его необрезание не вменится ли ему в обрезание? И необрезанный по природе, исполняющий закон, не осудит ли тебя, преступника закона при Писании и обрезании? Ибо не тот Иудей, кто таков по наружности, и не то обрезание, которое наружно, на плоти. Но тот Иудей, кто внутренне таков, и то обрезание, которое в сердце, по духу, а не по букве: ему и похвала не от людей, но от Бога".

"Итак, какое преимущество быть Иудеем, или какая польза от обрезания? Великое преимущество во всех отношениях, а наипаче в том, что им вверено слово Божие", - процитировал наизусть Понтий Пилат, демонстрируя великолепную память.

Так все-таки он говорит о преимуществе иудеев? - недовольно отозвался Октавиан.

Я тоже обратил на эту фразу внимание, - сказал Сабин, - Но Николай сумел переубедить меня и доказать, что она не может принести вреда. Вот что он пишет дальше: "Итак, что же? Имеем ли мы преимущество? Нисколько. Ибо мы уже доказали, что как Иудеи, так и Еллины, все под грехом. Правда Божия чрез веру в Иисуса Христа во всех и на всех верующих: ибо нет различия. Где же то, чем бы хвалиться? Уничтожено. Каким законом? Законом дел? Нет, но законом веры. Неужели Бог есть Бог Иудеев только, а не и язычников? Конечно, и язычников.

Потому что один Бог, который оправдает обрезанных по вере и необрезанных чрез веру".

Октавиан встал и в задумчивости начал ходить, обдумывая услышанное.

Не слишком ли велика власть этого Бога? Не покушается ли она на власть императора? - высказал он наконец то, что его мучало более всего.

Сабин опять взялся за свитки, найдя нужный продолжил чтение: "Всякая душа да будет покорна высшим властям; ибо нет власти не от Бога; существующие же власти от Бога установлены. Посему противящийся власти противится Божию установлению. Ибо начальник есть Божий слуга, тебе на добро. И потому надобно повиноваться не только из страха наказания, но и по совести".

"Бог будет исполнять волю императора, а императору останется лишь делать вид, что он исполняет волю Бога!" - вспомнил Октавиан слова Николая и настроение его улучшилось.

Государь! - заговорил Руф, - Николай несомненно желает добра своему народу, хоть за многие годы и превратился в настоящего римлянина. Но заглушить голос крови ничто не способно. Его стремление обезопасить свой народ совпадает со стремлением создать Великую Империю. Делая добро своему народу, он делает добро Риму. Николай прекрасно понимает, что без поддержки Рима его народ обречен и ему не справиться с многочисленными врагами. Он прав, когда говорит, что единственным препятствием для объединения служат религиозные различия и делает все, чтоб устранить их. Во имя Рима и во имя Иудеи. Я верю ему!

Квинт Фабий Максим и Гней Пизон покаялись. Они явились к императору вдвоем после того, как Октавиан получил от них секретное послание с просьбой принять их и тут же дал согласие. Он предчувствовал, что встреча окажется важной и прояснит положение дел в Риме. От Кальпурния по-прежнему поступали сведения о заговорщиках, которые несмотря на отсутствие Тиберия продолжали устраивать свои сходы, и Октавиан уже давно подумывал о том, что необходимо предпринять какие-то меры. Но видно годы отнимали решительность. Он никак не мог справиться со своими колебаниями.

Однако то, что он узнал от недавних врагов повергло его в оцепенение. Юлия стала любовницей Семпрония Гракха и выдала ему тайну, которую он ей доверил. Заговорщикам все известно и это дает им власть над ним, императором. Юл Антоний уже готовит речь для выступления в Сенате.

Что же вынудило Вас прийти ко мне? - задал вопрос император с искренним недоумением.

Рим ждут трудные времена, если не будет идеи, которая сможет сплотить Империю. Мы оценили твой план и готовы идти вместе с тобой.

Всю ночь люди Кальпурния не спали, а утром Октавиан как обычно выслушивал доклад.

Семпроний Гракх и Юл Антоний - мертвы. Оба оказали сопротивление. Остальные закованы в цепи и молят о пощаде.

Где Юлия?

Здесь, государь! Приказать ввести?

Нет. Отправь ее в ПUTEОЛЫ, обеспечь надежную охрану и пусть она там дожидается решения своей участи.

Вот и пригодился закон о браке и прелюбодеянии. Октавиан выступил в Сенате как защитник закона, для которого нет ничего священнее, чем его неукоснительное соблюдение. Перед законом все равны. На глазах всего Рима император приносил в жертву собственную дочь. У него не хватило духу требовать ее смерти... Он потребовал изгнания... Навечно.

Юлию отправили на остров Пандатерия. Октавиан не ощущал в себе достаточно сил для того, чтобы выдержать сцену прощания и ничем не проявить слабость. Он отклонил просьбу Юлии о свидании.

Тайна осталась не раскрытой.

Тиберий сдался... Восемь лет он на что-то надеялся и не подавал ни звука. Теперь же, когда в Риме не оставалось никого из его единомышленников, он утратил всякие надежды на перемену в своей судьбе. Приходилось либо смириться и просить о помиловании; либо поставить крест на своем будущем.

Тиберию исполнилось сорок шесть лет. Рослый светловолосый красавец, сильный и ловкий, он вдруг начал ощущать приступы опасного отчаянья. Смерть бродила по острову и пряталась за каждым кустом. Тиберий иногда резко оглядывался, словно желая застать ее врасплох, пугая охранников.

От матери шли письма. В них гордость и строптивость перемежались со страхом и тоской. Постепенно они наполнились одной материнской грустью. "Надо смириться. Октавиан полон сил и его правление продлится долго, - писала она, - А ты бесследно пропадешь на этом ужасном острове".

Тиберий сдался. Он написал покаянное письмо императору. Письмо, которое очень скоро вернуло его в Рим.

Октавиан ждал этого часа. Не потому, что хотелось сломить волю Тиберия и насладиться победой, что впрочем тоже было приятно. Но не потому император желал его покаяния и надеялся на него. Вовсе не потому.

Тиберий был единственным достойным преемником трона. Примеряясь мысленно к остальным, он неизменно возвращался к нему. Семнадцатилетний сын Тиберия от Випсании, его первой жены - Друз Цезарь Младший производил впечатление воспитанного юноши, но в нем не было и намек на силу и твердость. Тоже впечатление исходило от пасынков Тиберия - Гая и Луция. Зачем им власть? Они все равно не сумеют справиться с ней. Что же думать о том, чтоб они смогли осуществить задуманное им и Николаем? Тут нужен гордый, сильный, упрямый и умный. И мысль возвращалась к Тиберию.

Возвращение Тиберия в Рим превратилось в праздник и народное гулянье. Ливия приблизилась к Октавиану и благодарно дотронулась до его локтя, когда они стояли на трибуне Форума в ожидании торжественного въезда Тиберия. Октавиан не шелохнулся. Всякое чувство к этой женщине давно умерло в нем. Он стоял и размышлял о том, как отнесется Тиберий к тому, что он собирался открыть ему сегодня же, немедленно. Он не забыл реакцию Юлии. Что если также поступит Тиберий? Покаянное письмо Тиберия не ввело императора в заблуждение, и он осознавал, что не страх смерти вынудил его пойти на примирение, но ужас

бездействия. Октавиан не сомневался, что если коснется, то Тиберий с улыбкой пойдет на смерть. Такой человек, как он, способен заставить себя поступать по логике событий, но никогда не предаст собственных убеждений.

Октавиан боялся получить отказ. Однако принял твердое решение, что в этом случае Тиберий немедленно умрет. На этот раз ему удалось избавиться от малейших колебаний. Поступить по-другому он не мог. Либо Тиберий с ним, либо он должен умереть.

Тиберий попросил время на размышление. До утра. И Октавиану это понравилось. Значит решение будет до конца осмысленным. И если даже его придется убить, то уж не останется никаких сомнений в том, что это был единственный выход.

Государь! Идея Великой Империи как разумное продолжение Рима вдохновляет меня. Я принимаю ее с открытым сердцем. Однако мысли мои постоянно возвращаются к одному - не уничтожит ли власть Бога, наделенного таким могуществом, власть самого императора?

Октавиан облегченно вздохнул. Тиберий с ним. Что до его сомнений, то разве его самого не терзают подобные же мысли? И разве они не свидетельствуют более всего об искренних намерениях Тиберия? Если бы он согласился сразу и безоговорочно, если бы у него не было никаких опасений за судьбу Империи, то это как раз и вызвало бы справедливую настороженность и недоверие.

Сын мой! - Октавиан заранее решил произнести эти слова в случае, если не возникнет осложнений. Тиберий должен был оценить значение такого обращения и понять, что император сделал выбор, - Сын мой! Ты наполнил мою душу радостью и разорвал паутину тревог за наше будущее! Я счастлив!

Он подошел к Тиберию и обнял его.

Твои опасения обоснованы и совпадают с теми, что недавно мучили и меня. Садись и выслушай внимательно то, что я тебе сейчас расскажу, а также сам почитай то, что рождается теперь благодаря усердию Николая, трудам Гая Кальвисия Сабина и Луция Пассиена Руфа и молодого Понтия Пилата. К этому можешь причислить нескольких человек неустанно корпящих над новым учением в Иудее, которых склонил к делу Николай и без которых было бы трудно насытить содержание традиционными и национальными подробностями, способными развить законы Моисея и заставить их служить делу Великой Империи.

Октавиан выложил на стол гору свитков и они углубились в их изучение. Некоторые места Тиберий перечитывал по многу раз, словно заучивая наизусть. Долго вглядывался в текст, который чуть раньше сумел успокоить Октавиана и дал ему возможность отбросить неприятные подозрения.

А взгляни на это, - император протянул ему еще один свиток.

Итак, будьте покорны всякому человеческому начальству, для Господа: царю ли, как верховной власти, правителям ли, как от него посылаемых для наказания преступников и для поощрения делающих добро. Ибо такова есть воля Божия. Всех почитайте, братство любите, Бога бойтесь, царя чтите. Слуги, со всяким страхом повинуйтесь господам, не только добрым и кротким, но и суровым. Ибо то угодно Богу, если кто, помышляя о Боге переносит скорби, страдая несправедливо.

Тиберий отложил свиток в сторону и довольно рассмеялся.

Такого Бога моя душа приемлет. Государь! У меня нет больше сомнений! Я готов идти с тобой до конца!

Через две недели Октавиан с соблюдением всех формальностей, по закону, усыновил Тиберию. Вопрос о будущем императоре перестал будоражить Рим.

Иешу и Иоанн, сын Захарии прибыли в Рим в один день. Первому исполнилось одиннадцать, второму - двенадцать. Николай, все такой же худощавый как и раньше, вел их по тесным римским улочкам, заняв место посередине. Мальчики были одного роста с ним, так что три головы оказались на одном уровне: белая и не любопытная в центре и две черные, кудрявые и непрестанно подпрыгивающие, на все реагирующие и ничего не желающие пропустить, по бокам.

Николай немного волновался. В школе обучалось к тому времени уже свыше двадцати ребят и Николай знал, что Тиберий благоволил к одному из учеников, отдавая ему предпочтение перед всеми остальными. Известно было Николаю и то, что Тиберий уже не раз высказывал мысль о том, что именно на этого ученика и следует возлагать основные надежды, что именно он и сумеет лучше других справиться с той ответственной миссией, которая ожидает избранника.

Пятнадцатилетний Павел действительно выделялся в классе несмотря на то, что это было не простым делом. Ведь Николай самолично отбирал ребят из сотен одного и каждый из них обладал незаурядными способностями. Петр например в четырнадцать лет своим красноречием смог бы повергнуть в изумление Цицерона, доживи старик до этих дней. Иуда мог на память прочесть всего Горация и бегло говорил на восьми языках. Впрочем на четырех-пяти языках свободно изъяснялись все. И все же Тиберий устремлял свой взор на Павла, находя в нем природные черты лидера. Николай же считал, что это стихийно возникшее верховодство временное и происходит из-за разницы в возрасте, пока ощутимой, но с годами непременно утрачивающей свое значение. А потому он призывал не торопиться и не спешить с окончательным выбором, надеясь в душе, что главная роль в предстоящем спектакле будет отдана Иешу. Его поддержал Понтий Пилат, также придерживающийся мнения, что еще можно повременить с выбором. Зато Сабин и Руф склонялись к мысли, что чем раньше будет сделан выбор, тем лучше для дела. Это исключит всякое соперничество и будет оказывать на соучеников моральное воздействие, вырабатывая безусловное уважение к авторитету их будущего Учителя. Таким образом, Сабин и Руф, не настаивая на конкретной фигуре становились на сторону Тиберия.

Октавиан как всегда медлил. На эту его медлительность, осмотрительность и рассчитывал Николай. Теперь, когда Иешу здесь, ему требовалось только время, чтоб изваять из него Великое произведение искусства, которое поразит всех... Даже Тиберию...

Все, о чем думал Николай, к чему стремился, что сделал смыслом своей жизни, все это было близко к осуществлению.

Все свое время он проводил в школе, но все свободное с Иешу. Методично и упорно перетаскивал свои знания, словно камни для строительства пирамиды и укладывал их с отцовской заботливостью и любовью, выстраивая неповторимое

творение. Он добился для Иешу исключительного права жить за стенами школы, ликвидировав таким образом все препятствия для непрерывного общения, так как разумеется Иешу поселился в его доме. Положение это вдобавок имело еще то преимущество, что Николай мог теперь, не вызывая толков и сплетен, расширить познания своего ученика в тех областях, к которым римляне относились с предубеждением. Он отыскивал старого индуса, который жил в его доме под видом простого слуги. На самом же деле Ришали обладал сверхъестественными способностями и в совершенстве владел тайнами загадочного Востока. Он спокойно ходил босиком по стеклу; зарывался в землю и находился там без воздуха столько времени, в течении которого любой другой испустил бы дух; прокалывал ткани своего тела иглой. Он усыплял взглядом и умел передавать энергию, которая пробуждала неумные силы и легко справлялась со множеством болезней.

Ришали стал наставником Иешу и через пять лет сбылось то, о чем мечтал Николай. Превосходство его ученика было столь ошеломляющим, что никто, ни один из посвященных не смел оспаривать этого факта. Никто, даже Тиберий...

Исполнилось все, о чем Николай мечтал... Если бы он был бессмертен... Если бы он мог неотлучно находиться рядом с Иешу... Если бы он мог в любую минуту дать совет... Предостеречь... Уберечь... Если бы...

Может быть тогда все было по-другому...

Октавиан пережил Николая на полгода и наконец-то Тиберий вкусил всю полноту императорской власти.

Он не распустил школу и не отказался от намеченного плана. Он не солгал тогда, когда сказал Октавиану, что готов идти с ним до конца. Тиберий действительно поверил в успех. С годами его уверенность только крепла. И этому немало способствовали частые посещения школы. Он знал каждого ученика и поражался их познаниям и неисчерпаемым возможностям. Хитрый иудей оказался прав. Иешу воистину творил чудеса. Прикосновением руки снимал боли, словом приводил в состояние трепета и необъяснимого экстаза. Ни Петр, ни Иаков, ни Андрей, ни Филипп, ни Варфоломей, никто из учеников не мог соперничать с ним. Иудей оказался прав и в том, что верховодство Павла временно и с возрастом исчезнет. Так оно и случилось. Лидерство Иешу было бесспорным. Павлу не удалось даже остаться вторым. Молодой Иоанн занял это место, что также ни у кого не вызвало сомнений, а лишь догадку, что его необычные способности проявились вдруг неспроста и отгадка видимо кроется в тесном общении с Иешу.

Но пройдет еще пятнадцать лет, прежде чем план вызреет до мельчайших подробностей, а исполнители преисполнятся уверенностью и будут испытывать готовность начать Великое Дело во имя Великой Цели.

Первым стал Иоанн. Ему предстояло стать провозвестником, "голосом, зывающим в пустыне" и прокладывающим дорогу сыну Божию Иисусу Христу.

Тиберий задумчиво перебирал донесения, некоторые перечитывая целиком и задерживаясь ненадолго на других. Дело двигалось, не стояло на месте, но уже было видно, что все будет происходить не так гладко, как предполагалось и как уверяли рассеянные по всей Галилее, Самарии и Иудеи агенты. Строго засекреченная агентурная сеть создавалась специально для выполнения этого задания еще при

Октавиане. Деньгами, шантажом, угрозами к делу были привлечены сотни людей. Были отработаны сценарии "чудес", подготовлены "очевидцы" и "свидетели". Обученные "калеки", "слепые" и "прокаженные" заранее занимали оживленные места на площадях и возле синагог, привлекая внимание своим безобразным видом. Особенно эффектным было положение в Галилее. В Кане и Капернауме удалось привлечь на свою сторону целые семьи. Именно там и намечено было провести первые операции.

Объявление Иоанна на берегу Иордана прошло успешно. Его сопровождала "толпа", давно приготовившаяся выполнить свою миссию. С них он и начал обряд крещения, проповедуя покаяние и прощение грехов. Любопытный народ стекался словно на представление, но прислушивался к его словам с большой настороженностью и недоверием. Иоанну пришлось приложить все свое умение и продемонстрировать навыки ораторского искусства, прежде чем несколько робких и запуганных селян сошли в воду. Большого он добился, когда приступил цитировать пророка Исайю, как и предсказывал когда-то Николай. "Нельзя отказываться от законов Моисея, - говорил он, - Надо изменить их дух, наполнить новым содержанием".

Молва об Иоанне Крестителе разрасталась. Каждый день прибывали люди, присматривались и прислушивались к его словам. Кое-кто пробовал вступить в спор. Но десятилетия, затраченные на разработку нового учения не пропали даром. Да и переспорить красноречивого Иоанна, потратившего годы на овладение ораторским искусством, было для них, неграмотных и невежественных, делом бенадежным.

"Я крещу вас в воде, но придет тот, кто могущественнее меня, я даже не достоин развязать ремни Его сандалий. Он будет крестить вас Духом Святым и огнем. Вилы, которыми Он просеивает зерно от соломы, уже у Него в руках, зерно Он соберет в хранилище, а солому сожжет в неугасимом огне", - предрекал Иоанн, приводя людей в трепет и нагоняя на них страх.

Тиберий вспомнил о том, как Октавиан рассказывал ему о своих беседах с Николаем и о том, как ему приходилось переубеждать того, доказывая, что страх, куда более надежное средство, чем любовь, на которой долго настаивал иудей, но в конце концов был вынужден признать правоту императора.

У Тиберия на этот счет не было никаких терзаний. Страху он доверял намного больше. Мысль о спасении, о вечной жизни, о Царстве Божьем для тех, кто будет терпелив и безропотен в земной жизни, эта мысль по замыслу Тиберия должна была упоминаться везде и всюду. Она должна была проникнуть в сознание каждого и на нее именно, на эту мысль более всего полагался Тиберий.

Наконец, настал час испытаний для Иешу. Тиберий быстро пробежался глазами по донесениям, где подробно описывалось его вступление в Галилею в сопровождении двенадцати учеников, прибывших с ним из Рима.

Неприятности начались сразу, как только Иешу побывал в Назарете и первым делом бросился в родительский дом. Это не противоречило задуманному и составляло часть плана. С тех пор, как Иешу и Иоанн покинули родные места, Мария с Иосифом, также как и Захария с Елизаветой, упорно разносили весть по округе, что их сыновьям уготована Божественная миссия и Бог призвал их в пустыню, чтоб просветить и наставить на благие дела. Мария клялась и божилась, что сын ее рожден

непорочным зачатием и без устали рассказывала историю о посещении ее Святым Духом. Соседи не очень то доверяли услышанному, а некоторые посмеивались и подшучивали.

Следовало изменить представление жителей Назарета и заставить их поверить в Иешу, как в Иисуса Христа, сына Божьего. Однако прошла одна неделя, потом другая, третья... Целыми днями Иешу в сопровождении учеников бродил по улицам города, используя любую возможность для выступлений и проповедей. Народ впрочем относился к нему вполне терпеливо, но люди все чаще укоризненно покачивали головой, слушая его речи и проявляли недовольство.

Говорю вам истину, всякий, кто слышит Мое слово и верит тому, кто послал Меня - имеет жизнь вечную и осужден не будет, он уже перешел из смерти в жизнь, - повторял Иешу, вглядываясь в насмешливые лица. Его самолюбие было уязвлено, и он с трудом переносил пренебрежение горожан.

Те, кто не поверят - не возрадуются! Бросят их в огненную печь, туда, где будет плачь и скрежет зубов! - восклицал он в гневе.

Постепенно недовольство назаретян перерастало во враждебность.

Да кто ты такой, чтоб учить нас? Кто дал тебе право запугивать нас? - раздавались возмущенные голоса.

Это же сын Марии! Эй, Иосиф, забери своего сына от греха подальше! - кричали из толпы.

И Петр, и Павел уже не первый день убеждали товарища покинуть опасное место и перебраться в Капернаум или Кану, где было все подготовлено для исполнения "чудес".

Потом мы вернемся сюда, но еще раньше нас прибежит слава о чудотворных делах твоих! - увещевал Петр, - Увидишь, после чудес в Кане и Капернауме народ встретит тебя по-другому и здесь!

Нет, - упрямо не соглашался Иешу, - Завтра я "исцелю" на площади "слепого" и "прокаженного" и заставлю этих безмозглых баранов поверить в меня! Иди, распорядись, чтоб все было готово!

Иешу, не делай этого! Тебя засмеют, а обман раскроют. Разве ты не видишь, что сейчас этих людей нельзя переубедить? Ты уже настроил всех против нас. Если мы немедленно не уйдем из города, нас ожидает провал. Мы загубим дело, не успев начать его. Вспомни, чему нас учили: при малейшей опасности менять месторасположение, не доводить ситуацию до конфликтов, избегать столкновений. Опомнись, Иешу!

Тиберий нервно передернул плечами и еще раз перечитал донесение. Готовил их Павел, которому император доверял более, чем всем остальным. Как жаль, что не удалось отстоять своего фаворита. Иешу оказался слишком горд, упрям и эмоционален. Он не всегда способен владеть собою и сохранять спокойствие духа. Впрочем, также как его друг Иоанн. Если к этому прибавить его несомненный ум и незаурядные способности, то он становится непредсказуемой и опасной фигурой. Будь на его месте Павел или хотя бы Петр, то сегодня было бы куда меньше поводов для беспокойства.

Им удалось уйти из Назарета... Но дело было на грани провала. Только из-за упрямства Иешу. В Кане и Капернауме все прошло гладко. Особенно удачной можно считать свадьбу в Кане, когда Иешу "превратил воду в вино". Знали бы во сколько талантов обошлась эта свадьба Тиберию. Но эффект кажется получился потрясающий. После этого во всяком случае толпа стала воспринимать его по-другому. Стало проще делать фокусы с "исцелениями". В дело вступила молва. Главное оружие. То, что по замыслу Николая способно воспроизводить само себя. "Исцеления" больных в Кане и Капернауме, "спасение" сына важного чиновника (исправно отправляющего донесения в Рим), крещение на Иордане - все шло по намеченному плану и не должно было создавать препятствий. Их бы и не возникло не сомневался Тиберий, если бы опять не проявился гордый и упрямый характер Иешу и Иоанна. Последний зачем-то вмешался в семейные дела Ирода, стал принародно позорить его. Зачем? Это вовсе не входило в тщательно разработанный план и вступало с ним в противоречие. Ирода следовало постепенно склонять на свою сторону. И член Иудейского совета Никодим уже приступил к выполнению этого задания и даже завоевал расположение Ирода. Иоанн нарушил все инструкции и оказался под арестом. Тиберий, правда, не стал слишком расстраиваться из-за этой неудачи. Свою миссию Иоанн выполнил... А потому, взвесив все, Тиберий пришел к выводу, что он больше не нужен. Он послал секретное сообщение Никодиму, в котором приказывал использовать свое влияние на Ирода. Через несколько месяцев Иоанн распрощался со своей головой...

Тиберий одновременно желал достигнуть и другой цели. Он надеялся произвести впечатление на Иешу и удержать его от необдуманных поступков, продиктованных упрямством. Однако события развивались так, что император все более убеждался в том, что выбор Иешу был ошибочным.

Сначала он не сдержался и как следует из донесения - "вышел из себя", когда устроил разгон торговцев в Иерусалимском храме. Тиберий хмуро перечитывал описание безобразной сцены, представляя Иешу с воплями переворачивающим столы, разбрасывающим монеты и размахивающим плеткой. Потом он, несмотря на уговоры Павла, опять направился в Назарет. И конечно не справился с ситуацией. Да и как он мог с ней справиться, когда к нему пристали и требовали исполнить чудо, которого он исполнить был не в состоянии. И те, кто приставал понимали это, забавляясь. Ему нужно было призвать на помощь всю ловкость ума, смекалку, извернуться, но вместо всего этого он опять отдался гордыне и упрямству. Дошло до того, что обозленная толпа схватила его и потащила к краю огромной скалы. Пришлось бросаться на помощь всем, кто там был. Филиппу и Нафанаилу изрядно досталось в той потасовке. Только после того, как он побывал на шаг от смерти, удалось усмирить его гордость и заставить хоть на время скрыться и не волновать народ. Тиберий тогда же отправил гонца к Понтию Пилату с приказом воздействовать на Иешу и запретить ему объявляться в Назарете, делая упор на совершении "чудес" в Кане, Капернауме и Десятиградии. Там дожидались своего выхода "на сцену" десятки "актеров", готовых изображать глухих, слепых, увечных. Лишь бы при этом хорошо платили.

Понтий Пилат прислал доверенного человека, который передал все дословно вместе с первым, но грозным предупреждением, исходящим от императора. Иешу был подавлен.

Тиберий отложил в сторону стопку донесений, в которых подробно излагались дальнейшие события. Опять "исцеления" в Капернауме, неплохая история с пойманной рыбой, которой насытили пять тысяч человек. Настораживало лишь то, что "очевидцами" чудес почти всегда выступали одни и те же лица и это могло привести к нежелательным последствиям. Однако с этим приходилось мириться. Другого выхода просто не было. Кто еще мог засвидетельствовать воскрешение девочки из мертвых, если только не свои надежные люди? И подтверждения Петра, Иакова и его брата Иоанна в тот раз сработали. Но лучше всего удавалось "изгонять дьявола". Не требовалось даже притворяться слепым или калекой. Достаточно было изобразить умопомрачение. Зато это оказывало на простодушных людей неотразимое впечатление. "Одержимые" падали на колени и восклицали: "Ты - Божий сын!" Молва крепла!

В Наине повторили трюк с воскрешением мертвеца, ничего не меняя в сценарии. Павел опасался провала. На удивление никто не стал обращать внимания на совпадения. Начинал сказываться эффект толпы, когда разум уже мало что значит. Люди все с большим интересом прислушивались к проповедям Иешу. Тиберий удовлетворенно отметил те места в донесении, где приводились многочисленные примеры воздействия страха на слушателей. Иешу и сам обратил на это внимание и каждую свою речь обильно снабжал запугиваниями.

Говорю Вам истину - легче будет Содому и Гоморре в день суда, чем этому городу, - зажигался он, - Придут ангелы, отделят порочное от праведного и кинут его в пылающую печь, где будет плач и скрежет зубов.

Тиберий был прав. Грешные и слабые люди, преследуемые страхом, а Иешу все больше входил в роль и добивался иногда поразительных результатов, эти люди охотно, гурьбой, шумно и бестолково потянулись к нему. К тому, кто обещал вечную жизнь в Царствии Божиим послушным и "пылающую печь" отступникам.

Каждого, кто признает перед людьми, что он верит в Меня, признаю и Я перед Моим небесным Отцом. Не думайте, что Я пришел принести мир на землю. Я пришел, чтобы принести не мир, а меч.

Глаза его в эти минуты наполнялись такой непримиримостью, что многие не выдерживали и падали на колени, испытывая необъяснимый ужас.

Наконец была осуществлена та часть плана, которую разрабатывал еще Николай и которой он придавал огромное значение, считая, что при удаче результат должен превзойти все ожидания. Предполагалось, что в этой операции примут участие все, причастные к делу. Тиберий настаивал на выполнении этого условия, хорошо понимая, что именно теперь, как никогда важно иметь свидетельства "толпы", а не ограничиваться как обычно примелькавшимися с избытком одними и теми же очевидцами.

Речь шла о "встрече" с пророками Моисеем и Илией на безлюдной горе, во время которой все присутствующие должны были услышать голос с небес, голос самого Бога.

Иешу все сделал наоборот. Так как посчитал нужным. Толпа уже сделала свое дело - вознесла его, вывела в герои, пресмыкалась перед ним, расшибая лбы о каменистую почву. Иешу стал неуправляем.

"С ним творится что-то неладное, - докладывал Павел, - Он совершенно перестал прислушиваться к нам, ни с кем не считается, обращается с нами как со своими рабами. После долгих уговоров позволил наконец и нам приступить к "исцелениям", но при этом приказал обращаться только к иудеям. Он отступает от нашего плана и не хочет обращаться к язычникам. Вот что он нам сказал, напутствуя: "Идите к погибшим овцам Израиля, но не заходите ни к язычникам, ни в какой-либо самарийский город". Отношения между всеми нами накалились до предела... Особенно после того, когда он взял по обыкновению на гору только Петра, Иакова и Иоанна. Я посмел напомнить ему, что было приказано пойти нам всем, но в ответ получил одни оскорбления. Он не желает слышать твоего имени, государь! "Никто не может мне приказывать, - заявил он, - И не напоминай мне больше никогда о Тиберии!"

Не напоминай мне больше никогда о Тиберии, - повторил император последнюю фразу. Лицо его не двигалось, казалось застывшим. Но точно так замирает хищник перед последним решающим броском.

Еще около часа он просидел в одиночестве, пытаясь вчитываться в донесения и обнаруживая все больше подтверждений тому, что он просчитался. Наконец он смахнул свитки на пол, все, до единого. Они перестали интересовать его. Тиберий углубился в воспоминания, которые потекли грязным и ядовитым потоком. Он ненавидел Юлию, ненавидел Николая, ненавидел Октавиана. Он наполнялся ненавистью и яростью, пока не стал ощущать удушья и спазм в горле. И тогда он закричал.

Вбежавший на крик Марон остановился в полной растерянности. Тиберий стоял на коленях и иступленно рвал донесения на клочки, на мельчайшие частицы...

Уничтожить всех! Всех до единого! Всех! Всех! - приговаривал он.

Прошло не менее получаса, прежде чем он смог отдать Марону внятные распоряжения.

И Павла тоже? - решил все же уточнить глава секретного ведомства, сменивший на этом посту Кальпурния.

Всех! - повторил император, приблизившись к Марону вплотную, так что тот, встретив глаза Тиберия, отшатнулся в страхе.

Но уже было поздно! Все вращалось и крутилось независимо от чьей-либо воли, по другим законам, повинуюсь таинственной внутренней силе. Той самой, о которой с такой прозорливостью догадывался когда-то Николай.